

Юлия Анатольевна Борисова

Движение по кругу

Сборник стихотворений

18+

Юлия Анатольевна Борисова

Движение по кругу.

Сборник стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67920515

SelfPub; 2023

Аннотация

Это мой первый сборник стихов. В нём собраны произведения, написанные в период с 2015 по 2021 гг. В сборник вошло ровно 100 стихотворений – и это не случайно. Круглое число. И сборник мой называется «Движение по кругу». Круг – самая гармоничная фигура из всех, самая безопасная, древняя и часто встречается не только в нашей жизни, но и в масштабах вселенной. Открывает сборник цикл стихотворений 12 месяцев. В сборник вошли стихи о любви, философии и вере, пейзажная и городская лирика.

Содержание

12 месяцев. Январь	10
12 месяцев. Февраль	12
12 месяцев. Март	14
12 месяцев. Апрель	16
12 месяцев. Май	18
12 месяцев. Июнь	19
12 месяцев. Июль	20
12 месяцев. Август	22
12 месяцев. Сентябрь	24
12 месяцев. Октябрь	26
12 месяцев. Ноябрь	28
12 месяцев. Декабрь	30
Fallen	31
Актриса	33
Астры в метель	35
Атаманша	37
Бабочка	39
Барыня	41
Белый платочек	45
Берендеева невеста	47
В моем доме очаг	52
В храме	54
Великая Коко Шанель	55

Великий лицедей	57
Венеция. Время карнавала	58
Воздушный змей	60
Война	61
Волк и овца	63
Ворон	65
Восточное	67
Глаза дракона	69
Город	71
Да святится имя твое	73
Две планеты	75
Дети войны	77
Детство	79
Дикая охота	81
Ева Браун	84
Женская доля	86
Забывтое место	88
Игрок	90
Исповедь бездомного	91
Истинная любовь	94
Канарейка	96
Королева и паж	97
Косарь	99
Красивые дела	101
Лебединая верность	103
Всехсвятское	105

Маки	107
Маруся	109
Маяк	112
Меч воина	113
Мы с тобой одной крови	117
На чердаке	118
Надежда умирает последней	120
Нахалёнок	122
Нелюбимая	125
Нити судьбы	127
Оборотень	129
Осеннее настроение	131
Осенний сад	132
Офелия	133
Падают листья	135
Падение ангела	136
Письмо в бутылке	138
Поздняя осень	141
Последний день весны	142
Прагматизм	143
Призрак	145
Прогулки по ночному городу	147
Пророчество Ванги о России	149
Птица	151
Разговор с портретом	152
Русалка	154

С любимыми не расставайтесь	158
Серая шейка	160
Сероглазый Локи	162
Скрипач	164
Случай в больнице	165
Снегири	167
Снежная королева	168
Сонная лощина	170
Старость	172
Старый дом	174
Страница	176
Страшила	178
Сын истопника	180
Ностальгия	182
Хочу дождя	184
Хочу назад	186
Цыганка	187
Чайное	189
Чёрное и белое	191
Шаманка	194
Шедевр	196
Школьная любовь	198
Шрамик	199
Ты мой любимый враг	201
Я у тебя твое имя украла	203

Юлия Борисова

Движение по кругу.

Сборник стихов

От автора.

«Спасибо, что читаете», – так я частенько отвечаю моим подписчикам в инстаграме на их комментарии к моим стихам.

И вам, мои дорогие читатели, хочу сказать: «Спасибо, что читаете». Нет ничего дороже, чем уделенное вами время для моего творчества. Я это очень ценю.

Немного хотела рассказать о самом сборнике и его названии. Это мой первый персональный сборник стихов. В нём собраны произведения, написанные в период с 2015 по 2021 годы. То есть за 6 лет. Я не знаю, много это ли мало, быстро я пишу или медленно. Полагаю, что суть творчества все-таки не в количестве, а в качестве. В сборник вошло ровно 100 стихотворений и это, конечно, не случайно. Круглое число. И сборник мой называется «Движение по кругу»

Я прошу очень внимательно отнестись к моим следующим словам. Здесь имеется в виду, не «замкнутый круг», выра-

жение с негативной окраской. Здесь я выказываю кругу самое, что ни на есть глубочайшее, уважение и почтение. И вот почему.

Круг – самая гармоничная фигура из всех возможных, самая безопасная, древняя и часто встречающаяся не только в нашей жизни, но и в масштабах вселенной. Примеров этому великое множество: круглая Земля и вообще все планеты., круглый год, как временной цикл, круглые сутки, круглое Солнце, июнь и январь, заключенные в круг, Урборос, змей, кусающий сам себя за хвост, тоже как символ бесконечного вращения по кругу, колесо тоже круглое. Надо ли говорить, что там, где есть круглое колесо, есть движение вперед, а вот на квадратном или треугольном далеко не уедешь.

Современный метод арттерапии «Нейрографика» говорит о том, что гармонизировать свое внутреннее состояние, снять стресс и усталость, можно просто рисуя круги, а если добавить к ним еще и нейрографичную линию, можно кардинально поменять свою судьбу. Я бы хотела больше рассказать вам о нейрографике, но всё-таки сейчас мы о стихах.

Открывает мой сборник цикл стихотворений «12 месяцев», как символ круглогодичности. Я постаралась представить каждый месяц как отдельную самостоятельную личность. Некоторые получились веселыми и легкими, например август или март, другие более серьезными. Но это и оправдано. Все мы разные в круге жизни.

Мои стихотворения в сборнике также совершенно разные по стилистике и тематике, веселые и грустные, о жизни и о смерти, о любви и разлуке, о религии, философии и эзотерике, о душе и теле. Потому что, как бы мы ни хотели иного, все эти события и размышления, хоть и находятся на разных концах диаметрально противоположных, но также являются лишь частью бесконечного круга жизни.

Ну вот и всё. Приятного вам прочтения! И да, все иллюстрации в тексте мои авторские, ну кроме пары фото.

12 месяцев. Январь

Январь – гуляка, плут, большой повеса.
Напитков крепких почитатель.
Обширный пузом и обильный весом,
Но вовсе не лишенный стати.

То Рождество, то святки, то колядки —
Никак январь не похудеет.
Гуляний много. Таковы порядки
В четыре праздничных недели.

Январь – король. Бал праздничный затеет,
И позовет двенадцать братьев.
Закружатся те в ветреной метели,
Не будет крепче их объятья.

И в январе я вспоминаю сказку:
Сиротка в платье, холод леса,
Подснежников корзинка на салазках,
И одинокая принцесса.

И кажется, что месяцев круженье,
Как бег снежинок друг за другом,

Как Времени исправное служенье,
И в нём движение по кругу.

12 месяцев. Февраль

В голубоглазом феврале
Метут суровые метели,
И ветры на парад алле
Со всех концов земли слетелись.

И хмурится седой старик,
У окон топчется ночами.
Его не любят. Он привык.
Но смотрит яркими очами.

Гуляет в сизой бороде,
Как в море золотая рыбка,
Как конь в серебряной узде,
Февральская его улыбка.

И он, устав от вечных выюг,
И с Солнцем бесполезных споров,
Расплачется каплейю вдруг,
И смотрит на землю с укором.

И, долю горькую браня,
Уступит Марту он дорогу.
Уходит раньше на три дня.
Февраль. Он не такой уж строгий....

12 месяцев. Март

Март не любитель умных книг.
Смеясь, он сыпет снежной крошкой,
И вместе с одуревшей кошкой,
По звонким крышам прыг да прыг.

Морозец легкий по утрам,
А днем печет, и не по-детски.
С надрывом кот орет соседский,
Зовет своих кошачьих дам.

А воробьи сошли с ума
И чик-чирик с утра до ночи.
И солнце уходить не хочет,
Всё гладит золотом дома.

И тает снег, мороз и лед.
Вода, ручьи и ямы, лужи.
Кто слаб здоровьем, тот простужен.
Влюбленных насморк не берет.

Все нипочем им! Вот азарт!
Что им промокшие то ноги!

Идут, не разобрав дороги.

Все в облаках. Весна же. Март.

12 месяцев. Апрель

Кусочек неба опушу в ладонь.
Последний снег дотаивает в лужах.
Корабль бумажный ты рукою тронь,
Пусть по ручью он пируэты кружит.

Отвыла злая поздняя метель,
Дождь зашумел по крышам и по стеклам.
Приходит к нам смеющийся апрель.
Хозяйки, щурясь, открывают окна.

На клумбах ноготки и первоцвет.
Рассованы конфеты по карманам.
Я ухожу в поля, встречать рассвет.
Даю отставку надоевшим планам.

Пушистой вербы ветка на столе.
Да здравствует Христово воскресенье!
Звонят колокола по всей земле,
Нам обещающая вечность и спасенье.

Смеется жизнь с весной заодно.
И их союзу гимном – птичьи трели.

Весенний воздух слаще, чем вино,
Что воспевали в песнях менестрели.

О сколько радости в одном глотке,
И кровь быстрее заструилась в жилах.
Весна рисунком на земле – платке,
В мозаику одну цвета сложила.

12 месяцев. Май

Май – легкий на ногу гонец,
Земле несет благие вести,
Что гости и жених на месте,
И что пора бы под венец.

Ей Солнце, пламенный жених,
Подарит шаль из разноцветов,
И обещает: скоро лето,
И майский вечер будет тих.

Отступит он, едва дыша,
Что не спугнуть младое счастье.
У Солнца и Земли во власти
Живая каждая душа.

А над садами белый дым.
И тенор соловьиный выше.
И снегом облетают вишни,
И ивы розовеют у воды.

12 месяцев. Июнь

Июнь – мыслитель невеликий.
Ему б все петь, плясать, да веселиться.
В лугах рассыплет землянику,
А дети в платьях голубого ситца
Измажут щеки в соке спелых ягод.
Ах, не встречала я милее лагод.
А солнце золотит загаром плечи.
И в дождь – по лужам. Выше. Выше. Легче.
Неважно мал, велик ты ростом.
Каникулы ведь и начало лета.
Июнь владеет маленьким секретом:
О том, что счастье – это просто.

Цени. Люби. За эти дни держись.
Ведь лето – это маленькая жизнь.

12 месяцев. Июль

Июль приходит. Всполохи зарниц
Играют, будто крылья плещут.
И каждый сон должно быть вещий,
Но где ж уснуть под сенью этих птиц.

Июль, зачем так ночи коротки?
Когда ждешь ночь, а с ней прохладу.
Он, улыбаясь, шепчет: – Надо.
Любимой ты не отпускаяй руки.

Пусть травы вам раскинутся ковром.
Влюбленным это как награда
А в рожь вдвоем удобней падать.
И смотрит эдак искоса, хитро.

Ответь июль, зачем так жарки дни?
– Чтоб вы прохладу полюбили,
Чтобы, уставшие от пыли,
Ценили даже маленький родник.

Что видишь жизнь, когда есть смерть – контраст.
Любовь пресна без капли боли,

Что после плена слаще воля,
Что драгоценен каждый день и час.

Июль. Тобой я так удивлена.
Какие сложные вопросы.
Да ты, наверное, философ?
А может это просто части сна?

12 месяцев. Август

Месяц яблочный, медовый.
Звездопада и комет.
Он у лета сын бедовый.
Выстроил парад планет.
И залиvisto хохочет.
Дарит солнца поцелуй.
Разгуляться август хочет.
Осень рядом. Не балуй.
Ливни щедрые подарит,
Соберет грозу в букет.
Зелье колдовское варит
С самого истока лет.
Этим зельем угощает
На великий яблонь спас.
Соком спелым наливают
Ох, ядреный этот квас.
А то вовсе расшалится,
Сварит мед дурной хмельной.
И пускай отпели птицы,
Лета сын поет со мной.

12 месяцев. Сентябрь

Сентябрь влюблен. Конечно в лето.

Их бесподобен страстный танец.

От быстрых па и пируэтов

У лета на щеках румянец.

Сентябрь сжимает лето крепко.

Рука на талии, чуть ниже.

Упали на пол шляпка, кепка,

Сентябрь слова, как бусы нижет.

Он шепчет в розовое ушко:

– Ах будь со мной, забудь запреты.

Я подарю твоим подружкам:

Деревьям, травам – самоцветы.

Тебе – отборные рубины,

Бериллы, жемчуга, опалы.

– Рубины подари рябине.

Ах! Я забылась! Я пропала!

Ты закружил обманом в танце,

И уж минуло две недели.

Любимый, нужно нам расстаться.

Сдержав рыдания еле-еле,

Сентябрь глядит во след любимой.

В отчаянии раскрасит клены.

Он лету жизни половину
Отдал за танец. Он влюбленный.

12 месяцев. Октябрь

Октябрь сорвет кленовый лист,
В руках разгладит.
На плащ, заплатками цветист,
Ещё приладит.
Но хрупок лист и много дыр,
Все не заштопать.
Он чуть размокнет от воды,
И станет хлопать.
И вот октябрь уже простыл,
Продрог до дрожи,
И лист кленовый с высоты,
Низвергнут, брошен.
Октябрь сошьет себе манто
Из георгинов,
Но сбросит: – Всё ему не то,
Наряд павлина.
Все перемеряет. Шелка
Парчу и бархат.
Но всех милей ему пока
Кумач – рубаха.
Октябрь – артист при всём при том,
И пёстрость любит,

Но много думает про то,
Что скажут люди.
Он носит в сердце эту боль,
Тоску по цвету,
В итоге выйдет как король,
Гулять раздетым.

12 месяцев. Ноябрь

У ноября характер непростой:
Он холоден, суров и неприветлив.
Традиций ценит вековой устой,
И на вопросы честные ответы.

И первый снег, и последнюю грязь
Подарит, точно деньги, вперемешку.
И стелет людям под ноги, смеясь.
Нечаянно, а может быть в насмешку.

И духом слабый повернет с пути.
Под хлестким ветром до земли согнется.
Кому охота в изморозь идти...
Ноябрь туманом под ногами вьется.

И бросит, вызывая на дуэль,
Ком снега, словно белую перчатку.
И, проверяя, заведет метель.
И ветром пошумит, но для порядка.

Но если стоек ты, что тот Атлант,
Который стужи вовсе не боится,

То ты раскроешь ноября талант:
Хорошего, большого живописца.

Несложно видеть красоту цветов.
Простая истина. Слепому ясно.
Но только лишь один ноябрь готов
Траву и лужи написать прекрасно.

12 месяцев. Декабрь

Декабрь богат, как неприметный Крёз.
Одарит, но не милостью, и не деньгами.
Насыпет снег, пошлет лихой мороз.
И лед, что зеркалом блестит меж берегами.

Он озорной мальчишка, он старик.
Шутя, он щиплет нос, морозит лоб и щеки.
И на сосулке яркий солнца блик
Сияет золотом для жадины – сороки.

Но тут же разворчится невпопад,
О том что год еще один, опять уходит.
Что елки нарядились на парад,
Как девки падшие, при всем честном народе.

Да он такой, изменчивый декабрь.
И дело ваше, ему верить иль не верить.
Но роль его, по сути, велика:
Он году новому откроет наши двери.

Fallen

Этот парень много курит, иногда пьет вино,
Часто ходит кормить котов на помойке.
Ему люди кричат в спину, в лицо: – Ты что? Больной?
Тебе место давно в психушке, на койке!

Он редко улыбается, чаще всего молчит.
Он очень худой, но с большими глазами.
И стихи бестолковые ночь напролёт строчит,
Жизнь для него – вроде сдать божий экзамен.

И кто его сдаст, сразу на лифте отъедет в рай.
Этим жив. Экзамен пока не провален.
Он играет в жизнь, пока ему говорят: – Играй!
И с улыбкой себя называет Fallen.

Взгляд – рентген, он видит насквозь стены и черепа.
Суть речей через тонны болотной грязи.
И что делать? Не доносы же на людей кропать.
Он устал, и не ищет знакомств и связей.

Его встретить легко, он любит гулять под дождем,
И до боли глядит в белые облака.

Он совсем молодой и недавно лишь был рожден,
Носит длинный плащ. Крылья скрывает. Пока...

Актриса

Как надоели сплетни и предвзятость.
Но наплевать на то, что скажут люди.
Творцов и победителей не судят,
Пусть даже им и не знакома святость.

Она актриса. В жизни и на сцене.
Живет театром. Примеряет роли.
То, умирая, корчится от боли,
То падает от смеха на колени.

Она свободу любит, как дикарка.
Её зовут дорога, море, горы.
И вольный воздух впитывают поры.
И тлеет у упрямых губ сигарка.

Сама себе рабыня и царица.
И отыграв, для всех раздаст поклоны.
Но скроется за ширмою фургона,
И будет ждать, когда он постучится.

И только с ним, саму себя играя,
За слоем слой, снимая грима корки,

Души немного приоткроет створки,
И выдаст безлимит к воротам рая.

Астры в метель

Расстелет метель
Ледяную постель.
Увы, не ко времени.
Цветы жаль осенние,
Наследие

Этого лета,
Капли тепла, света.
Горячие головы,
Солдаты из олова
Последние.

Как звездам сёстры,
Лепестки острые,
Прикоснешься – нежные,
И под покровом снежным
Склонённые.

Ведут жесткий бой
Со старухой зимой.
Ледяными пиками,
Яростными криками,

Пронзенные.

Бросят семена.

Что не придет весна,
Под снежной тяжестью,
Всё им, бедным, кажется,
Но напрасно.

К исходу года

Уснет вся природа.

Таков закон планеты.

Придёт весна. И это

Прекрасно.

Атаманша

Ее помада ярче чем закат.
В глазах азарт и молодой задор.
Она не нянчит баловней внучат.
Не вяжет шаль. Не смотрит из за штор.
Не жди душеспасительных бесед
От этой Леди возраст xxxl.
И злостью пусть подавится сосед,
Мечтая смерть призвать в ее постель.
Но вновь взревет ее автомобиль.
В лицо жара, дожди снега туман.
Дорог шальных и звезд глотая пыль,
По жизни мчится бабка атаман.
Платок повяжет лихо, набекрень.
Феррари новой сделает тест драйв.
Прогонит грусть и сделает твой день.
Глядишь и понимаешь: вот что кайф
Старушку дома тяжело застать.
Ведь что ни вечер, новый модный клуб.
Как энерджайзер будет танцевать,
Не выпуская сумочку из рук.
И выются стаи молодых мужчин.
В глаза глядят и дарят ворох шуб

И нет им дела до ее морщин
Борозд и складок возле алых губ.
Она моложе молодых девиц,
Живей живых, и всем покажет нос.
Душа без меры, сердце без границ.
И не помеха пепельность волос.
И сама смерть склонится перед ней.
И там за гранью временных кулис
Дадут ей божьих, огненных коней,
И жизнь попросят повторить на бис.

Бабочка

Когда её наивные мечты
Издохли под колесами грузовиков,
Используя остатки красоты,
Ловила на пыльцу истертых мотыльков.

Открыв товар лицом: большую грудь,
И каблуками отбивая злую дробь,
Она стреляла взглядом: – Кто-нибудь,
Ловись на красное, ловись. Себя угробь.

Короче юбка, черные чулки,
Ресницы – крыльями, чуть смазан макияж.
И непременно темные очки.
Смеются мужики:– А по любви нам дашь?

Любовь! Хватило ей любви до ста,
Дожить б до тридцати, до ста не доживешь.
Наелась. Всё. Сыта. Сыта. Сыта.
Ты это слово как угодно повернешь.

В холодном доме тихо плачет мать,
Худые руки в синяках и в сетке вен.

– Люблю его, мала ты понимать.

Вздыхнет: – Пойду стирать. И дочь столкнет с колен.

Она запомнит классную игру.

В любовь. Так, расстегнув штаны, сказал сосед.

На лестнице он приставал в углу.

А было ей тогда всего лишь десять лет.

Любовь за годы истрепалась в хлам.

Бывало, ей клялись, хоть это и смешно.

А после глазки вниз, и по домам.

Нет никакой любви. Есть сказка. Решено.

Как ярко нынче светят фонари.

Он долго ехал к ней. Сквозь годы, сквозь века.

Он снял ее на жизнь, не до зари.

Любовь взмывает вверх, как бабочка, легка.

Барыня

По картине В. М. Максимова «Всё в прошлом»

Она, неспешна, как большой фрегат.
Седьмую допивает чашку чая.
На платье сплошь алмазы, жемчуга.
В душе томленье, барыня скучает.

Ей пляшут скоморохи и медведь.
Но больно растревожит душу скрипка,
И вновь гуляет по крестьянам плеть,
И вновь рыдает поротый Антипка.

То вдруг зовет чернавку на обед.
Ей вилку подает к тарелке супа.
То вдруг насыплет ей в подол конфет,
Служанка лупает глазами глупо.

А то и спросит дуру невзначай:
На сердце есть ли кто из милых друзей.
И подливает водку дуре в чай.
Та всё расскажет. Барыня – подруга.

Что уж она просватана давно,
Что милый ей цветы под окна носит,
Она же к милому через окно.
И, осмелев, на свадьбу рублик просит.

А барыня от зависти черна:
Ведь у крестьян, и то любовь бывает.
Она лишь, горемычная, одна.
Года идут, краса и убывает.

И молвит волю, точно Божий глас.
Кого продаст, кого в сердцах запретит,
Кого сошлет, чтоб не мозолил глаз.
И только в радость ей людское горе.

Она живет, не ведая забот,
Как на дрожжах растут её телеса.
И в черном теле держит свой народ.
Но тут сосед приехал из-за леса.

Лукавый, бойкий и хорош собой.
Костюмчик тонкий. Видно заграничный.
И ну, хвостом вилять перед вдовой.
И галстук есть, и выговор столичный.

И, хоть не сразу, барыня сдалась.

А после свадьба, пир большой, богатый.
Муж по двору ходил, почуяв власть.
На пересчет доход, крестьян и хаты.

– Ах, милая, мне денежки нужны.
Затеял пруд я по английской моде.
И очи томные его нежны.
И пусть прудов и рек хватает вроде.

Она подарит пруд и лошадей.
Простит костюмы, карты, сани.
А люди что? А что ей до людей?
Влюбленная покорней кроткой лани.

За годом год. Ветшает дом и сад.
Уехал муж. «Дела», – он в письмах пишет.
Кто любит, тот обманываться рад.
Вот только денег... Починить бы крышу.

Сдает и сама барыня, сдает.
Умом слаба, и телом стала тоже,
К себе служанку верную зовет,
Чтоб по привычке залепить по роже.

Но падает рука её, дрожит.
Бессилие старуху жутко бесит.

И от бессилия слеза бежит.
Служанка старая белье развесит.

Поставит чай и примется вязать,
Так до заката время коротая,
Пропустит петли, уж не те глаза.
И жизнь, остатки книги их листая,

Судьбу, как нитку, их соединит,
Дни бисером последние нанижет.
Ведь одиночество, оно роднит,
Когда все в прошлом, люди ближе...

Белый платочек

По книге М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Спи, мой родимый сыночек.
Вот тебе белый платочек.
Папа нас больше не любит.
Сказали об этом люди.

Люди так любят бить слабых.
Слабее безмужней бабы,
Лишь только мужик сбежавший,
А вроде бы сына ждавший.

Я знаю, как будет трудно.
Лишь мертвые неподсудны.
Накрою белым платочком.
Глазенки – черные точки.

И мне собираться надо.
Дорога длина до ада.
Я жду огневые муки,
Но Гелла мне сунет в руки

Платочек кипельно-белый.
За что так со мною, Гелла?!
Гелла безмолвна, сурова.
День повторяется снова.

Эй! Жгите, терзайте тело!
Платочек не надо! белый!
Да. Ад этот мой заслужен.
Сдалась, сынок был не нужен.

А надо было остаться.
Бороться и жить, сражаться.
Нет участи горше труса,
В веках имена сотрутся.

Темница, платочек белый.
Пощады просить не смела.
Пример мой многим уроком,
Но нет же вины без срока.

И исподволь я помощи ждала.
И вот однажды Гелла не пришла.

Берендеева невеста

Я прибудыш, найденный в лесу.
Толи навья, толи ведьмы дочь.
Уж тягали меня за косу,
Уж и били до предсмертных корч.
Я росла, что сорная трава.
Без приюта, сирота -душа,
Виновата кругом, не права,
Лишь за то, что собой хороша.
И глядят мне с завистью вослед
Бабы – злыдни: – Ведьму надо сжечь.
А иначе уж прибудет бед
От зеленых глаз, да круглых плеч.
Дохнут куры, не поёт петух.
У коровы мало молока,
Это всё проклятый ведьмин дух,
Дурной глаз и подлая рука.
А мужики, что на сало кот,
Всё глядят на выпуклую грудь.
Кобели. Бессовестный народ.
С ней на совесть. С нами как-нибудь.
Будто мне их взгляды ценный дар,
Мне их взгляды будто в горле ком,

Каждый тащит в сенник за амбар,
Каждый нагибает за углом.
Уж молилась я богу болот,
Хоть безмолвен был темный бочаг.
Но всё чудилось мне, что вот-вот,
Сброшу жизнь, что котомку с плеча.
Толи мне ответил все же бог,
Толи кару люди понесли.
Вести донеслись со всех дорог:
Берендей ищет новой земли.
Заведется в лесу берендей
Уж и взвоят тогда всё село.
Всем известно: берендей – злодей,
Ибо лютый и хитрый зело.
Не пойдет за приманкой в капкан,
На рогатину его не взять.
Как дитя, сломает мужика,
А самого его не сломать.
Берендей это ведь не медведь.
У него человечья душа.
Человеком иль зверем смотреть,
Это лишь берендею решать.
Всем селом собрали дары,
Хлеб и пиво, и мясо, и мед.
До утра полыхали костры,
До зари суетился народ.

Бочку пива уж больно хмельну,
Берендею несут на поклон.
Собирают и девку одну.
Пусть невесту возьмет себе он.
Жизнь за жизнь. Я одна против всех.
Не сужу. И их можно понять.
В платье новое, да лисий мех
Обрядили на свадьбу меня.
Напоили медовым вином,
И помчался с подарками воз.
На уме у меня лишь одно:
– Поскорей бы. Не выказать слез.
Зверь не зверь, а пути назад нет.
Да и сколько себе можно врать.
Я последний встречаю рассвет,
Больно будет поди умирать.
Да только смерть ко мне не спешит.
Уж и солнце зошло высоко.
Блещет озеро сквозь камыши,
Да откуда-то тянет дымком.
Что мне делать, не век же стоять.
И пошла я на запах костра.
Меж болот расстилается гать,
Колет ноги осока остра.
А костер был и вправду хорош.
Только где же его хозяева.

На костре котелок, рядом ковш,
Уж почти прогорели дрова.
Я привычно за дело взялась.
Поспевает наваристый суп.
Родниковой воды напилась,
Стерла капли с обветренных губ.
Поднимаю глаза – стоит он,
Не медведь. Поболе раза в два.
Вместо рева человечесий стон,
Да и сам живой едва, едва.
Под лопаткой засела стрела.
Видать сказки про силу их врут
И пока он не сделал мне зла,
Буру кровь со спины оботру.
И возьму поудобней кинжал.
– Надо резать. Терпи мой родной,
И понятливо зубы он сжал,
Все равно порывался на вой.
По спине алой кровью узор
Белый проблеск в ране серебра.
Знать нашел охотничий дозор.
Был медведем, вот и смог удрать.
Я три ночи рядом не спала.
Всё боялась, думала умрёт.
Ой ты гой еси, лиха стрела.
Не на смерть ряди, а на живот.

Толи вправду ведьмою была,
Толи лес мне что-то подсказал.
Только рана всё же зажила,
Человеком распахнул глаза.

Нет. Не съел меня. Пока жива.
Гладил руки, в губы целовал.
Бушевал в душе огонь родства.
Слава лесу. Нам друг друга дал.
И живем вдвоем в его лесу.
А село сгорело дочиста.
Медвежонка вскоре принесу.
Берендеевой семье под стать.

В моем доме очаг

В моем доме очаг, огонь и танец костра.
Подойди, отогрей ледяные ладони.
В эти желто-красные дни гуляют с утра
Золотые туманы, как дикие кони.

И если хочешь войти, дверь открыта всегда.
Приходи просто так. Хочешь, будь званым гостем.
Вот тебе кружка. В ней живая моя вода,
Но ты же помнишь, вкуснее вода из горсти.

Открываясь тебе, седьмую сниму печать.
Расскажу о важном, сложном и невесомом.
А хочешь, будем просто лежать, просто молчать,
Укрываясь от мира, за стенами дома.

Если хочешь забыться – заварю сон-траву,
Бархат губ. Жаром тела согрею в постели,
Розы в саду, не щадя рук, в охапку нарву.
Стану сказывать сказки во время метели.

В моем доме музыка, солнце, всегда тепло.
Высокие окна и хрустальные залы.

Но, не дай тебе Бог, в доме феи замыслить зло,
И не дай тебе Бог, спуститься в его подвалы.

В храме

Куда пойду? За ворота.
Туда, где высится храм.
Развернусь в вполоборота
И поклонюсь куполам.
Ничего не спрошу в храме,
Я молча свечку зажгу.
Святые всё знают сами.
Итак перед ними в долгу.
Взгляд поднимаю выше,
Туда, где купола свет.
Слышат, я верую, слышат.
И я ваш слышу ответ.
Тянутся души – нити.
И я к вам однажды вернусь.
Ждите, любимые, ждите.
Жизнь все живут одну.

Великая Коко Шанель

Великая, ты так любила чёрный.
И он тебе необычайно шёл.
Творила вдохновенно, увлечённо.
Ты, маленькая, вышла в мир большой.

В мир моды, где священные законы
Не изменялись долгие века.
Но ты! Ты умудрилась стать иконой
За счёт лишь брюк и платья, и платка.

Духи и жемчуг, скромная помада,
И вот готов универсальный стиль.
Для стиля много яркости не надо,
Что б выйти в свет и светом потрясти.

Твои слова давно уже цитаты,
Ты говорила: – Над собой трудись.
Начни с души своей и вот тогда ты
Изменишь и себя, и свою жизнь.

Идут года, меняется и мода,
Лишь ты всегда в сердцах Мадмуазель,

Ты женщинам сказавшая: – Свобода!
Великолепная Коко Шанель.

Великий лицедей

Посвящается Олегу Табакову

Занавес. В молчании зал.
Ушел Великий Лицедей.
Он жизнь не жил, скорей играл
Всю на виду, всю для людей.
Отбросьте сочувствие, лесть.
Он выше земного. Артист.
Наград его, заслуг не счесть.
Он был задорен и речист.
О как пылал огонь волос,
И сердце яростным огнем.
В кино он многое привнёс.
Скорбеть? Нет. Не скорбеть о нем.
Живой! И в шорохе кулис,
Я слышу Табаковский смех.
Вам Bravo, мастер! Bravo! Бис!
Спасибо вам за все, Олег.

Венеция. Время карнавала

Монетой солнце прокатилось
По глади безмятежных вод.
На город тихо мгла спустилась.
Гондолы водят хоровод.
Закатным пламенем согреты
Мосты, каналы и дворцы.
И в золото лучей одеты
Торговцы сдобой и гребцы.
На площадях и в переулках
Сто экипажей и карет.
А в переходах узких, гулких
Мальчишки с кипами газет.
Хмельное время карнавала.
Себя ты, прежнего, забудь.
Ночь бросит бархат покрывала,
Скрывая жизни злую суть.
На площади в плащах похожих
Сойдутся давние враги.
Под маской корчат злые рожи.
Но ведь не видно же ни зги.
А верная жена за маской,
Любовнику авансы шлет,

И все смелее ее ласки,
А дурень муж пусть дома ждет.
Ах. Карнавал. Ты кем угодно
Себя назначь в хмельной толпе
Танцуй и пой. И пей свободно
В костюмной тесной скорлупе.

Воздушный змей

На нитке тоненькой качаясь,
Воздушный змей стремился ввысь.
И мальчик, приручить отчаясь,
Кричал ему: – Вернись! Вернись!
Но растревоженный ветрами,
Он поднимался в облака.
Когда твоя душа не камень,
Она воздушна и легка.
И, обнимая стратосферу,
Воображая самолет,
Воздушный змей утратил меру.
Кто знает меру, тот живет.
И как душе бы не хотелось,
Но головою в облаках
Нельзя быть, не утратив тело.
Такой закон. Пока. Пока.
А змей уже готов вернуться.
И рад бы вниз, да только как?
Пока веревки снизу вьются,
Не уходи за облака.

Война

Нет лица у старухи войны.
Нет лица, четыре пары рук.
Когти черные ее длинны,
Коли схватят, сразу жди разлук.

У войны избушка из костей.
Во дворе горит большой костер.
Смерть и голод, ждет она гостей.
Точит нож. А нож ее востер.

Нож востер. Велик вонючий чан.
Карканье слетит с истлевших губ:
– Люди – мусор. Люди – саранча.
А сварю, так выйдет славный суп.

И летят в раззявленную пасть
Стар и млад, виновные и нет.
И пируют ее гости всласть,
А хозяйку хвалят за обед.

Частоколом выставят гробы,
Своим жертвам заведут подсчет:

Сколько их детей своей судьбы?
Выжить бы... Да вот не всем везет.

У войны ж отдельная тетрадь.
Там ее любимцев имена,
Кто посмел ее к себе позвать,
Посадил гнилые семена.

У войны старухи нет лица.
В ее книге множество страниц.
Она ловит кровью на живца,
У войны старухи много лиц.

Волк и овца

Лукавого имен не перечесть.
Зови хоть дьяволом, хоть бесом.
Закрыт ему чертог небесный.
Но дело до всего на свете есть.

Он обитает даже в мелочах.
Силен и днем. Тем паче ночью.
Его приход давно пророчат.
За каждым он, у левого плеча.

Он точно волк, у человечесьих стад,
Чуть-чуть овца с пути собьется,
Он мухой над вареньем вьется.
Ловить заблудших несказанно рад.

И вот забывшая завет отца,
Овца лукавому внимает,
А тот ей в уши заливает,
Что не встречал красивее лица.

Он ей поет галантное: – Мадам!
Пастух не ценит вас. Оставьте.

Весь мир у ваших ног. Представьте.
Ах, здесь вы зря проводите года.

Здесь все друзья: бараны да кроли.
Играть и петь на сцене вам бы.
И расточали б дифирамбы
Вам чернь и даже сами короли.

Развесив уши, слушает овца.
Трепещет, глупая, в экстазе.
А тот ее сильнее дразнит,
Тщеславыю потекает без конца.

А сам ее тихонечко в кусты
За лапу незаметно тащит.
Овец заблудших мясо слаще,
И ляжки восхитительно толсты.

Ворон

Вран был стар.
Чёрен был,
Лет полста,
Здесь он жил.
День был сер.
День был хмур.
Ворон сел.
Ветер сдул.
Вран ворчал:
– Что за жизнь?
Мне крича,
Все кружить.
Мне искать
Гниль и сор.
Мне б летать
Среди гор!
Мне б простор
На двоих.
Ткать узор,
И парить
В облаках,
С ней в крыло.

Далека
Как на зло.
Другой мир.
Не достать.
Одному
Мне летать,
Города
Не люблю.
Суета,
Шумный люд.
Всё спешат
В никуда,
И шумят
Города,
И растут
В ширь и ввысь.
Стаей тут
Обжились.
Еда есть,
Есть тепло,
А былое?
Прошло.

Восточное

Твои глаза – коньячный блюз.
Дурман трава и сон восточный.
И я без боя им сдаюсь.
У ночи аромат цветочный.
У ночи привкус миндаля.
Чуть горький и немного сладкий.
Алмазы – звезды, свет даря,
Сверкают в прорехе палатки.
Заварен в кружке крепкий чай.
И плов горой лежит на блюде.
В саду созрела алыча,
И месяц дремлет на верблюде.
Глаза закрою, и Жасмин
Бежит на встречу с Алладином.
Им помогает мудрый джинн...
Я верю в сказку. Есть причина.
Восток – загадка до конца.
Восток – и тайна от начала..
Ведь у Востока два лица.
Но... Здесь тебя я повстречала.
И мне теперь твои глаза
Всё грезятся во мраке ночи.

Уеду утром, как сказала.

...Восток же отпускать не хочет.

Глаза дракона

Глаза дракона – капли янтаря.
На языке танцует белый пламень.
И вот исчез последний твой отряд,
Навеки вплавлен он драконом в камень.

Драконий дом – пещера среди скал.
Там золото лежит небрежной грудой.
Пока дракон в пещере отдыхал,
К его груди пристали изумруды.

Горят рубины. Чешуя – броня,
И слабых мест в ней ты не сыщешь вовсе.
Дракон привык свое оборонять.
Вокруг горы костром бушует осень.

Ну, вот и всё. Последний твой предел.
Дойти сюда – не значит и вернуться.
Но ты посмел, безумный, ты посмел
Взглянуть в драконьи золотые блюдца.

Смотреть в глаза без страха – это сила.
Опущен меч – наверно, это слабость.

Дракон прекрасен так невыносимо,
И умирая, ты познаешь радость.

Покорно ждешь. Застыл последний миг.
И твой дракон слегка опустит веки,
И каждый что-то новое постиг.
Ты – о драконе. Он – о человеке.

Он принесет дары к твоим ногам,
И сам подставит беззащитно шею.
Кого проклясть? К каким идти богам?
Как сердце бьётся. Щеки пламенеют.

Безумный мир. Драконы – его часть.
Убьешь его, мир обеднеет вдвое.
Так кто дракон? Сильнее любит власть?
Дракон, он больше небо голубое.

Господь велик. И ты живой пока.
Дракон умрёт в разграбленной пещере.
И сожалея, бросишь два цветка.
Дракон, наверное, во что-то тоже верил.

Город

Город мой – это древний дракон.
Ядовитым туманом дышит.
А в закате алеют крыши,
И горят огнем стекла окон.

Никогда старый город не спит,
Только дремлет, и то вполглаза.
Маскируясь, краску размазал.
Цвета: медь, серебро и графит.

Мы у ног его важно спешим,
Но дракон любит только золото.
И летят облака кудлаты,
Обгоняя людей и машин.

О! Этот город любит гостей,
Те, наивные, тешат ЭГО,
И к дракону бегут с разбега,
И несут ему в жертву детей.

Ночь придёт. Будет плакать дитя
У дракона в зубастой пасти,

Подчинится драконьей власти.
Ведь беспризорников так растят.

Сжаты губы и в кровь кулаки.
Их девиз: – Нужно стать богатым!
И зовет их драконье злато.
Но дракон не отдаст, дураки.

Да святится имя твое

По мотивам рассказа А. И. Куприна «Гранатовый браслет»

Со смертью я смирился. *Fatum*
Любовью на кресте распятый.
Мне имя милой – храм и вера,
Siderae и *Sanctus Terra**
Ты- свет в моем ночном окошке.
Целую след твоей ладошки.
Я спрятал шарф. Украл. Я каюсь.
В разлуке не живу, а маюсь.
Тебе писал бы ежедневно,
Но ты же отповедью гневной
Сказала: -Ах, оставь в покое.
Издалека смотрел, не скрою.
Лелеял грезы, плел сонеты.
Не жаль фамильного браслета.
Весь мир у ваших милых ножек,
Но я был глуп. Неосторожен.
О, как смеялись ваши гости,
Как напивался князь от злости.
Подарок вышел не по нраву.

И на любовь найдут управу.
Она умрет в груди со мною.
Не тяготитесь, друг, виною.
Ведь вы пришли ко мне в печали,
И лоб мой хладный целовали,
Безумцу розу подарили,
И хоть недолго, но любили.
А в храме у подножья трона
Играет Солнце у иконы,
На гранях красного граната.
Заплачет нежная соната.
Он вас любил. Чего же боле.
Incitamentum musica amoris

Две планеты

С каждым днем все сильней опасенье:
Не случится заветная встреча.
Люди врут о том, что время лечит.
Но ты мое, я твое спасенье.

Сердце кормится пищей – надеждой,
Но, с каждым днем этой пищи меньше.
Самая несчастная из женщин —
Нищая под роскошной одеждой.

Время – враг. Без стыда и жалости
Растлевет наивность и веру.
Бьет по душе и где-то по нервам,
Мне ж для счастья надо то малости.

Только узнать: одна вселенная
Двоим нам с тобой предназначена?
Но знание это утрачено.
Бесприютная я, смиренная.

В старой книге нашла откровенье,
И прошла все круги ритуала.
В круге первом я к Богу взывала,

А в девятом было явление:

Лишь на миг наши пальцы встретились,
Лишь на миг наши губы коснулись,
Мы в слезах с тобой, с криком проснулись.
А где найти тебя, мне не ответили.

Дети войны

– Мама, хлеба!

– Хлеба нет.

Мы вчера доели крошки.

Потерпи, придет рассвет.

Будет каша. Хоть по ложке

– Мама, страшно.

– Ну. Не плачь.

Глазки будут плохо видеть.

– Мама, а придет палач?

– Что ты. Кто тебя обидит.

Хочешь, сказку расскажу.

Тебе сказки нравятся.

– Нет, так просто полежу.

– Ну спи, моя красавица.

Мама косы расплетет,

Нежно лба коснется:

– Пусть к ней добрый сон придет,

Где луга и солнце.

Не собаки, лагерь, клеть,

Не штыки в два ряда.

Во сне можно улететь,

Где душе отрада.

Когда телу тяжело,
Когда все забрали,
Сон – ладья. Бери весло,
Отправляйся в дали.
Спи малышка, ангел мой,
Баю-баю, бай.
– Мама, я хочу домой.
– Глазки закрывай.

Отдавая дань весне
Журавли летят.
Мать качает, как во сне
Мертвое дитя.

Детство

На языке вкус хлебной корки,
Что мы сушили на печи.
А детвора на снежной горке
Кричит.
Руками машут за окошком
– Скорей! – зовут гулять меня.
Вчера я снега съел немножко.
Ременя
Мне папа вечером подсыпет,
Коль выйду даже за порог,
А чай с малиной уже выпит.
Пирог
Меня утешит лишь немножко,
Вот столечко, совсем чуть-чуть.
Игрушки, книжки и окошко.
Вздохну.
Совсем один сию наказан,
Катаю грустно паровоз,
Он мне мигает желтым глазом
Привёз,
Мне сказочные сны в кроватку,
И с мишкой я своим ложусь,
И с мишкой засыпаю сладко.

Дружу

С ним многие года и вёсна,

А в детстве счастье – это так

Просто.

Дикая охота

Лиловый пунш. Вино. Корица.
Согреть бы душу, только нечем.
Дитя зимы. А лето снится.
И только в снах немного легче.

А что еще? В замерзшем мире
Иллюзии – вот где утрата.
Как грезитмышь о желтом сыре,
Дитя зимы ждет может, марта.

Но март, апрель и май зелёный
В ее душе не топят холод.
И даже кавалер влюбленный,
Пусть он хорош, и добр, и молод.

Она, Самхейна ожидая,
С ночных небес не сводит взора.
Меж звезд несется злая стая.
У Короля – глаза озёра.

У короля белы ресницы.
Его наряд снега и стужа.
Шагнет без страха в колесницу.

Он совершенно тот, кто нужен.

Проси его о чём ты хочешь.
Король рассудит честь по чести.
Все будет так к исходу ночи,
Но только если жаждешь мести.

Слова твои откроют двери,
Ты укажи, и стая рада.
Как жаждут крови эти звери.
И не спасут забор, ограда.

Что королю людские души?
Мазнет мечом, как сливки слижет.
Так отчего же ей не лучше?
И ближе небо. Ближе. Ближе.

И мчится призрачная стая.
Король суров и безупречен.
Она хотела лишь растаять,
Но месть ее сковала крепче.

Плечом к плечу. Уже без гнева.
И взгляд чуть холодней и строже.
У короля есть королева.
Их суд искать – себе дороже.

Ева Браун

Плывет фрегат – твое авто
По сонным улицам Берлина.
Небрежно сброшено манто,
И ты, с улыбкой Серафима,

Глядишь в ночные небеса,
И снег ложится на ресницы.
Беловолосая краса
Для чистокровного арийца.

Его любовь, что сладкий яд.
И ты в плену у своей страсти.
Обманутый обману рад,
Хотя он душу рвет на части.

О утонченное вино!
Со вкусом крови, слез и боли.
– Ты влюблена? – Давным-давно.
– Как быстро поменялись роли.

И у взаимного синдрома
Кто жертва? Кто теперь палач?
И чувство зреет, как саркома,

И сердце бешеное вскачь.

Сгораешь на костре стыда.

Сдвигаясь, камнем давят стены.

Из крана капает вода,

Ты острой бритвой режешь вены.

– Пока жива, себе не лги.

Отнюдь ты не святая дева.

Беги, безумная, беги.

Но ты моя, Main Liebenau Eva.

Женская доля

Как часто выбираем мы не тех.
И неизвестно, в чем тут дело.
Но горечь женского удела:
Искать величье в пустоте.

Вот видишь красоту павлина,
А он ведь в сущности – петух,
В красивом теле слабый дух.
И это жалкая картина.

Ты для него готова за моря.
Да в кандалы. В Сибирь. На плаху.
Отдать последнюю рубаху,
И, ярким пламенем горя,

Светить ему, как сердце Данко,
Отдать священные крыла.
Он их, смеясь, спалит дотла,
Истреплет лайкой до подранка.

Глаза горят, он лихо крутит ус,
Ты, глупая, ему внимаешь,
Но сердцем все же понимаешь,

Что он не тот, он просто трус.

Он твой, пока ликует лето,
И не случилось вдруг беды.
Ушатом ледяной воды
Тебя обдаст цинизм ответа.

– Прости. По мне ты слишком хороша.
Любви твоей я не достоин.
Я не Любовник и не Воин.
И за душою ни гроша.

Бегом бежал, сверкали пятки,
А ты молчала, глядя вслед.
Все мы аж с мамонтовых лет,
Мерзавцев любим без оглядки.

Забытое место

Не горят в том храме купола.
Не спешат на службу прихожане.
И молчат давно колокола.
И алтарь по виду мшистый камень.

Клены словно люди у окон.
Голуби воркуют еле слышно.
Дождь осенний навевает сон
Тонкоствольной поросли на крыше

Стерты фрески, нет почти икон.
Неизвестный на стене алтарной,
Живописный переврав канон,
Надругался надписью бездарной.

Чудом уцелевшую купель
Долгие дожди нальют до края.
Служкой у крыльца застыла ель:
– Все приемлю, все тебе прощаю.

Здесь давно готов и кров, и стол.
Преклони натруженные ноги
Хочешь, вон распяты со Христом.

Разные к нему ведут дороги.

Год за годом, оседает храм.

Выше двери заросли крапивы.

Переломят разом пополам,

Дождь и время старые стропила.

Игрок

Мне снова и снова предоставляется выбор:
Продолжить игру или пойти домой.
Я последний игрок, который еще не выбыл.
Всё ставлю на кон до последней, льняной.
Клоун. На сцене смеюсь, за кулисами плачу.
Толстым слоем на теле пудра и грим.
Улыбаясь, приманиваю птицу – удачу.
Улыбаюсь. А может хороший мим?
И при плохой игре корчу красивую мину.
Да. В рукаве запрятан козырный туз.
Но время придет: на погоны шестерки выну.
Банк забирает тот, который не трус.

Исповедь бездомного

Зима. Город. Тишина.
Снег. Метелица. Луна.
Ветер, как бродячий пес,
Шапку цопнул и унес.
В подворотне поднял вой.
Итак тошно, ты не ной.
Где б достать хоть на стакан?
Эх, пропащий старикан.
 Попрошу ради Христа,
Али нет на вас креста.
Что с протянутой стою?
Так живем чай не в раю.
Не спеши судить меня.
Парень! Дай-ка чуть огня.
Да не торопись, постой.
Просто покури со мной.
Мне бы зиму переждать.
Холодно, ядрена мать.
Там весна и солнце, брат.
Я ведь, брат, был и женат.
Дети были, что ж не быть.
Да не довелось растить.
Зонщик. Им позор один.

Сел. Вот вышел до седин.
Мне б вернуться? Не хочу.
Там не место палачу.
– Брат. Я был не виноват-,
Все там так же говорят.
Ты мне, падшему, не верь.
Эх, да что молчать теперь.
За рулем я пьяный был,
И девчонку насмерть сбил.
Было ей немного лет.
Села на велосипед.
Там деревня. Три двора.
Да туман еще с утра.
Гнал. Спешил что ли куда,
Ну и был слегка поддат.
Я не ждал, а тут она.
Все, бл@ть, беды от вина.
Тормозил, а толку что.
Помню желтое пальто.
Помню синие глаза.
Ну и дал я по газам.
Да, я поступил как трус.
Некрасиво я смотрюсь?
Что? Нашли меня? Да, нет.
Сам решил нести ответ.
И пришел через пять дней.

Думал, думал все о ней.
Все приходит каждую ночь,
Просит дяденьку помочь.
Моих мук не знал никто.
Вижу желтое пальто,
Помню синие глаза,
Взгляд насквозь меня пронзат.
Чую, что выходит срок,
И тебе на жизнь урок.
На меня теперь взгляни-
Пьяным и за руль ни-ни.
Ладно, всё, пацан, иди.
Впрочем, стой-ка, погоди.
Дай мне сотню на стакан,
Уж порадуй старика.
С водкой станет мне теплей.
Ветер воет еще злей.
Водка для сугрева чтоб.
Гробом будет мне сугроб.
Хорошо пошла, до дна.
А на небе ждет она.
Я скажу свое «прости».
Всё. Перестает трясти.
Холод. Ноченька темна.
Сон. Покой и тишина.

Истинная любовь

Твоя душа, что колодезь зиндана
И я лечу в утробу без конца.
На дне её не страсть, не нежность. Рана.
Но я рискну остаться без лица,

Без голоса, без мыслей и без воли.
Я стану частью липкой темноты,
Пройдя твоей дорогой слез и боли,
Навечно отрекусь от красоты.

Не стану плакать летними ночами.
Хоть волком вой из этой вечной тьмы,
Когда луна холодными лучами
Нисходит к нам на дно твоей тюрьмы

Как холодно, пар изо рта клубится.
И ад мне не страшнее твоих грез.
Влюбится... Надо ж было так влюбиться,
Чтоб всё забыть. Серьёзно: всё всерьёз.

Ну что ж за дело. Я теперь спаситель.
Мне эта роль досталась в первый раз.
Эй там, народ! Весь мусор выносите!

Да бережнее. Сердце не игра.

Латать и штопать Женщине привычно.

Рубаху или душу, всё равно.

А дальше? Будет все вполне обычно:

За днями дни. Не падай лишь на дно.

Ну вот, смотри, уходит с окон грязь.

Глаза сияют. Звонкая беретта

Припасена для крыс. Мы, за руки держась,

Как дети, улыбнемся, выйдем к свету.

Канарейка

Звенит хрусталем голосок.
Поет на радость добрым людям.
И купол клетки так высок.
И семечки лежат на блюде.
Чего желать? Здесь все знакомо.
Тепло, уютно, нет кота.
И защищают стены дома.
Так отчего же пустота.
И отчего тоска змеюкой
Свернулась кольцами в груди.
А люди: – Ну не будь же злоюкой.
Пой, канарейка. Не сиди.

Она поет до хрипоты.
До ночи песня звонко льется.
Но под пологом темноты
Душа в груди, как в клетке, бьется.
Из клетки смотрит на окно.
На мир чудесный и опасный.
Пускай в судьбе все решено.
Но есть мечта. Она прекрасна.

Королева и паж

О, дева, очи цвета море!
О чем поет твоя свирель?
Что разум и душа в раздоре,
Что льют придворные елей.

И что король никак не едет,
И ластится смазливый паж.
Грядет охота на медведей —
Вельмож бессмысленная блажь.

И будет лес и шум дубравы,
Рев зверя и собачий лай.
Качнутся голубые травы,
И примут вас в духмяный рай.

В кровь зацелованные губы.
И славный паж так мил и юн.
Ревут за лесом медью трубы,
И майский ветер – кот- баюн,

Игриво цапнет за косицы.
Синица на разрыв поет.
Ну как тут было не влюбиться

В него и в ночь. Ночь напролет.

А утром звон подков и стали.
Восторженно кричал герольд,
Народ, ликуй! Нам весть прислали:
Король вернулся! Наш король!

И за улыбкой дружелюбной
Предательски дрожанье губ.
И спросит твой король прилюдно:
– Верна была? Тебе я люб?

Ты к королю протянешь руки,
Нальешь мальтийского вина:
– Я так устала от разлуки.
О, сир! Я верная жена.

Ты примешь пояс и корону.
И слышал лишь полночный страж,
Как, скрючившись, рыдал за тронном
Забывтый всеми юный паж.

Косарь

Влюбиться в разворот усталых плеч,
В замах руки в оплетке синих вен.
И дробно сердце, будто как картечь.
Взгляд искоса. И вот он сладкий плен.

И вновь замах. И падает как встарь,
Трава, как раб, послушно возле ног.
За рядом ряд идет лихой косарь,
А я плету ромашковый венок.

Напьется из кувшина молока,
Окинет взглядом покоренный луг,
И вижу, как дрожит его рука,
Но он упрямо начинает круг.

И до последней утренней росы,
Косарь, как воин, будет жить в строю,
И будто меч сверкает сталь косы,
А после я рубашку подаю.

И терпкий запах скошенной травы
Дурманит пуще дорогих духов.
И я теряю ясность головы,

Когда такой косарь среди лугов.

Красивые дела

Спешим мы часто мимо красоты.
Всё ищем смысл в вещах безликих.
Упали мысли, как оливки,
В палящий зной, каскадом, с высоты.

Ни в банку, ни в салат нехороши.
И на земле они без дела
Ненужные ты выкинь смело.
Радей о красоте своей души.

Как классик говорил: – Не верь словам.
Слова пусты по своей сути.
Словами, как угодно, крутят.
Но разгляди красивые дела.

Вон кто-то на пожаре спас дитя,
Иль дом нашел бездомной кошке.
Такие бисерные крошки,
Ты погляди, алмазами блестят.

Из этой ткани, словно платье, мир
Любовью сшит, Надеждой, Верой.
Но треплют ткань уж век не первый.

Чем меньше дел красивых – больше дыр.

Лебединая верность

Я был любим. Несли крыла
Двоих нас в синие вершины.
Ей смертью стала та стрела.
Вы – люди иль бездушные машины?

Не видеть мне небесный край,
Где громоздятся злые тучи,
Мне не с кем в них теперь играть.
О Боже, я прошу, не надо мучить.

Мою любовь не прячь в острог
Бескрайней безразмерной боли.
Источен болевой порог
Души, как скользкий лед кристаллом соли.

Играет солнце. Водный блик,
Что свет в глазах моей подруги.
Я к телу белому приник!
Напрасно. И жалки все мои потуги.

Я только лебедь! Я не Бог!
Хоть умная, но все же птица!
Я сердцу, если б только мог!

То приказал в груди не биться.

Пусть улетает белый клин.

Живым пусть небеса – награда.

Я в мягкость снежных перелин,

Уснув, ложусь с любимой рядом.

Всехсвятское

Люди спят, деревья растут.
На деревьях вольные птицы.
У Некрополя на границе
Стоят Ангелы на посту.

И как дышится здесь легко.
Иду, ступая осторожно.
И за деревьями сторожка
Косая, будто под хмельком.

И сторож дед ей как под стать.
С утра уже слегка поддатый.
Он на войне служил солдатом.
Здесь у него отец и мать.

Он поболтать всегда готов.
Тут в основном все молчаливы.
Сует кладбищенские сливы.
Они вкусны, не хватит слов.

Он говорит, что по ночам
Ему всё чаще здесь не спится.
Идет, а лица вереницей,

И чудится, что все кричат.

Иные, жизнь едва начав,
О том, что вот ушли до срока.
И смотрят так с прищуром, строго.
А у других в глазах печаль.

Эх, если б мог он их поднять.
Но может лишь стоять на страже,
За столько лет смирился даже.
В свой срок проводит и меня.

Моргну, мелькнет среди могил
Ничейная большая кошка,
А где же сторож и сторожка?
А разговор? Не сон ли был?

Чего гадать... Махну рукой.
Ушедшие, спокойно спите.
Пускай подарит вам Хранитель
Всем. Кротким, вздорным. Всем. Покой.

Маки

Алеют маки, как закат
Моей любви.
Увяли те цветы в руках.
Не сберегли.
Там где делили на двоих
Судьбу и жизнь,
Девятый вал давно утих,
И не держись.
И не держи моей руки
В своих руках.
Пусть будут встречи нележки,
Увы и ах.
И слез невыплаканных плен,
Моя печаль.
Я знаю: не было измен,
Но вновь начать
Я не готова, не хочу.
Возврата нет.
– Прощай, – я тихо прошепчу.
Верну букет.
Один лишь раз цветут сады.
Так говорят.
Хватило света и воды,

Но маки больше не горят.

Маруся

Он пишет точно кура лапой.
И, часто, слов не разобрать.
А малыши гордятся папой,
И плачет старенькая мать.

Ведь он герой, он бьет фашиста,
Он грудью за свою страну.
Тарелки вылизав до чиста,
Собьются все в кровать одну.

И будут вспоминать отца,
Чьи письма мать в комодке прячет.
Она запарит им овса,
Даст мелким и немного кляче.

Себе оставит на потом.
Согнется над письмом сутуло.
Краюшку разделив с котом,
Ест. А под кожей ходят скулы.

Худа, так это нынче в моде.
Коса чернява да толста.
Сует начальник на заводе

В карман рублей ей аж с полста

Лежат купюры эти в луже.

Еще чуть-чуть, затянет в грязь.

– Всё ждешь? Мои поклоны мужу.

И отойдет, собой гордясь.

– Он пишет. Пишет. Два письма

Пришли на позатой неделе.

– Ну хочешь, пропадай сама.

Но дети то сегодня ели?

– Да ничего. Мы как-нибудь.

От вас нам помощи не надо.

– Маруся, ты прости. Забудь.

Возьми. И помни: я то рядом.

В котомке хлеб, немного сала,

Картоха, килограмм муки.

И так Маруся замечталась,

Что не заметила руки.

Что жадно за грудки схватила,

– Эй, тетка. Ну ка отдавай!

Она толкнула. Вот же сила.

К груди прижала каравай.

Страшны голодные глаза.
Страшней нагана и кинжала.
Булыжник в кулачке зажав,
Она от злости задрожала.

И в горле зарождался рык.
А на губах застыла пена,
Бандит к отпору не привык.
– Да ты дурная что ль!? Из плена!?

Маруся за полночь вернется.
Его стащила за овин.
То плачет, то вздохом смеется.
А узелок то весь в крови.

– Сынки! Фашист бывает разный.
И там война и тут война.
Но мы воюем не напрасно.
Придут другие времена.

Пришли другие времена.
А люди то другими стали?
И покупают ордена,
И продаются за медали.

Маяк

Белогривые волны упали на скалы.
И луны жёлто-палевый призрачный свет.
Так кого ты маяк своим глазом искал
Среди вздыбленных волн? Кораблей давно нет.

Паруса не горят белизною невинной,
Не качаются мачты с биением волн,
И не плещутся в бочках старые вина,
Ты надеждой как прежде, до краешка, полн.

Да. Упрям. Ты свой долг – до конца, до излома.
Заготовлено масло, солома и жгут.
Так крепко следишь, не сыра ли солома.
Здесь готовы к гостям, их здесь предано ждут.

И тебе невдомёк: этот путь давно брошен.
По другим ординатам идут корабли.
И стоишь ты, старый маяк, припорошен,
Одинокий солдат, средь суровой земли.

Меч воина

Он был остер и резок,
Его булатный меч.
И разрубал железо,
Испивши крови в сечь.

Сплетен из синей стали
Он на исходе дня.
И в кузне распластали,
Достав сталь из огня.

И опускали в холод,
Чтоб сталь была крепка.
И накрепко вбил молот
Отвагу в суть клинка.

Меч вышел диво ладный.
Хозяину под стать.
До крови и не жадный.
Но жадный защищать.

Прошли вдвоем так много.
Месили снег и грязь.
Туда вела дорога,

Где правит Дмитрий князь.

Одной лихой годиной
Войскам трубили: Сбор,
Орда пришла лавиной.
Ей нужно дать отпор.

Чтоб обрести свободу,
Чтоб дань не собирать,
Пришлось стеной народу
На поле насмерть встать.

И меч покинул ножны:
Димитрий приказал.
И зазвенел тревожно
Металлом о металл.

О сколько в дикой битве
В землю полегли,
Отвага и молитвы
Победу принесли.

С мечом тот гордый воин
Держались до конца.
Он был баллад достоин
Сын славного отца.

Но выпало на долю
Отдать в уплату жизнь.
На Куликовом поле
Он в ковыле лежит.

Несутся мимо тучи.
Идут дожди, снега.
Все те же здесь излучины,
Оки два берега.

Но время ровно мерит
Дни, месяцы, века.
Есть те, кто и не верит
В историю клинка.

Он сам себе сказитель,
Расскажут не тая,
О, благодарный зритель,
Неровные края,

Зазубрины на стали,
Истертая та вязь.
Как предки воевали:
И воины и князь.

Каких родит героев
Земля всяя Руси?
На Куликовом поле
В музее расспроси.

Здесь меч тот сохранили,
Кольчугу сберегли.
Что б мы же не забыли.
Чтоб дрогнули враги.

Теперь задача наша
Свободу, мир сберечь,
Чтоб стала земля краше.
Так завещал нам меч.

Мы с тобой одной крови

Бывает так. Люди скажут: – Характер, мол, сложный.
Да с ним тяжело, да с ним вообще невозможно.
А ты человека читаешь в запой, как книгу.
По строчкам до точки. И до полнейшего сдвига.
И снова новые грани знакомого текста.
А он тебе: да мы ж с тобой из одного теста.
Одни в поле ягоды. Вдвоем в поле воины.
Друг другу жизнь и квартиру, нефть и биткоины.
Друг другу сестры и братья, друзья и все разом.
Говорите разом те же заумные фразы,
Но разные. По отдельности даже цельные.
А сердца друг на друга, как ружья, нацелены.
Одной колоды карты и даже одной масти.
Просто одной вселенной две глупенькие части.

На чердаке

На чердаке закрылись двери,
И мне никак не поддаются.
И сразу сотни суеверий,
Как осы, надо мною вьются.
И страх за горло держит рьяно.
А я бы рада не бояться,
Но сердце, что меха баяна,
Уже готово разорваться.
От страха и дыханье сипло.
Зависла в толстой паутине.
О сколько на душу налипло
Здесь в одиночном карантине.
И лезут мысли – тараканы
О запертых и здесь забытых...
Пылятся мутные стаканы
У окон, что давно разбиты.
С зеркал слетела амальгама,
И шелухой осела на пол,
Свистит разохшаяся рама,
Дождь с нею в унисон закапал.

Ненужное и отжитое
Храним на чердаке средь пыли.

Так память ворошить не стоит,
О тех, что нам сердца разбили.

Надежда умирает последней

Вот и всё. Сжигаю внутри
Нелепые списки
Каких-то дел и звонков,
Сметы, графики, планы.
Мой радар на «Опасно!»
Верещит с дурным писком.
Сердце с горки бегом,
Прыгаем с аэропланом.
Словно капля росы
Дрожит хрупкая вера,
И стигматы ее
Непонятные знаки.
И на вздохе последнем
жизнью тертые нервы
Ну а вдруг повезет:
я киношный собакен Лаки.
Постепенно смиряюсь.
Отойдут на второе
Все заботы и темы.
И вгоняет шприцы – клинки
В мое сердце хирург
Киношным супергероем,
И останется небо,

Окно, палата, стихи.
И вот ты ждешь приговор,
И со смертью в чет/нечет,
Или в карты, но ей
Предназначен козырный туз.
А врачи, они что...
Как умеют, так вот и лечат.
И у них своя ноша.
И свой непосильный груз.
Я молчу и не плачу.
Сильные не сдаются,
Даже если внутри
Беспроглядно, страшно, темно.
Планы на жизнь? Просто жить.
А медсестры смеются.
В их понимании, да,
Это, наверно, смешно.

Нахалёнок

Сейчас на хайпе новый аватар,
С большими и чуть влажными глазами.
Быть блогером – мне дан великий дар,
И я теперь ночами часто занят.

Я напишу, что ненавижу мясо.
Перечеркну на фото сочный стейк,
Но если мне заплатят за колбасы,
То будет мне пиаром этот фэйк.

Браню политику, рекламу, СМИ.
Мне все равно. Пусть только больше платят.
За правду лягу хоть всеми костями.
Браните! Да! Пока еще не хватит!

Эй! Что вам, лайка что ли жалко, люди?
Ведь это просто. Пальчиком тык, тык.
Ну и пускай меня никто не любит.
Законы выживания просты:

Свобода, совесть, сила не у дел.
Их ждет судьба анахронизма.
На этой теме я собаку съел.

Писал статью о пользе эгоизма.

Да это грязь. Но я в грязи с пеленок,
И в этом деле уже в доску свой.
Все будет супер. Я же нахалёнок.
Сижу в «Дыре» с немытой головой.

А за стеной трубит соседский бас,
А бак в сортире общем вечно сломан.
В душ попаду от силы в месяц раз.
Да я в Дыре, но я пока не сломлен.

А мама снова безнадежно плачет.
И тумачков достанет нынче всем.
И ноутбук в диван я быстро прячу.
Вон папенька идет во всей красе.

Фингал под глазом и расквашен нос.
Отец опять сегодня с кулаками,
Молчи, сучонок, вякать не дорос.
Вот заработай и сори деньгами.

Но ничего. Себя я не жалею.
Назавтра захреначу новый пост.
Когда больней, пишу я лучше, злее.
Родился в боли я и с болью рос.

А вы читайте. «Выкормыш волков»
Я новый ник себе в Инсте назначу.
Звеню в кармане связкою брелков.
Папахен бесится, мол деньги прячу.

Нелюбимая

Простите меня те, кто любит лето,
Но мне милее осень с ее дождями.
Дни, полные рассеянного света,
И небо, с улетевшими журавлями.

Дрожат ветки - тени в проёме окна,
Как пряди в причёске невидимой девы.
Она Солнцу нелюбимая жена.
Ну где вы ходите, рыцарь, ну где вы?

Её платок повис на красных клёнах.
Она качается с осиной на ветру.
Ей достается морось дней калёных,
И хмарь, и лед туманов стылых поутру.

Зима сурова, словно неизбежность.
Без ропота склонится осень перед ней.
Но нежность. Боже, есть святая нежность
В прозрачной хрупкости осенних этих дней.

Она же ждёт. Открыты её двери.
Теперь же Солнце у неё не частый гость.
Влюблённой женщине так тяжело поверить,

Что были вместе, а теперь вот вроде врозь.

Так стоит ли особо удивляться,

Что осень – это время горестных разлук.

Как не расстаться? Жить. Любить. Смеяться.

С любимыми не размыкая рук.

Нити судьбы

Я знаю: есть за гранью мира
Хрустальный храм вне всех времен.
Там песней нежной плачет лира,
Там Бог был Мойрами пленён.

Он мир создал в любви, и Счастье
Было даровано одно,
Но Мойры, разорвав на части,
Вплели его в веретено.

С тех пор серебряные нити
Сверкают в ткани бытия,
Прошу: узор соедините,
Чтоб встретилась с тобою я.

Молчат. А нитки, точно струны.
В слепых глазах седой туман.
Не те нам выпадают руны,
Не там идет наш караван.

Не разобраться в этой вязи,
Пока с тобою не вдвоём.
Кусочки счастья среди грязи

Ещё не скоро соберём.

Грызём сухие караваи,
Жмут из железа сапоги,
Да только б нить не оборвали
Твою болезнь или враги.

Все блага, что судьба послала
Несу жестоким Мойрам в храм,
Чтоб наша нить единой стала.
Но снова рвут напололам.

Оборотень

Сегодня ночь темна необычайно.
От старых елей напоздаёт тень.
Я с незнакомцем встретился случайно,
И после заблудился в темноте.
Мне полная луна оскал звериный
Покажет в прорези густых ветвей.
Я совесть, как ненужное, отрину.
Шуршит трава под лапами: – Убей!
Желаю крови и живой добычи.
И лапы приведут в знакомый дом.
И пусть пока я не сменил обличье,
Но говорить приходится с трудом.
Войду тихонько, сяду у окошка.
– Любимая, не зажигай огня.
Не ластится ко мне сегодня кошка.
Как холодно, скорей укрой меня.
Ну вот и ночь, как зябко на кровати.
Приляг со мной. О! Как ты горяча!
Ты знаешь, что невинный прежде платит.
Не отводи руки моей с плеча.
Пусть не пугает зелень глаз и голос,
Как у простуженного, с хрипотцой.
Да. Серым стал, коротким, жестким волос.

А ты в моих глазах – овца овцой.

Посмотришь зло и будто бы с прищуром.

А что ты в нос мне тычешь дробовик?

А хорошо, что взял себе не дуру.

Кровать жаль перепачкаешь в крови.

Осеннее настроение

Простудой дышит сумрак ноября.
Туманный змей вползает в наши сны.
Вновь звезды нам о вечном говорят,
И снова ночи, словно смерть длинны.
И небеса устав от «почему»,
Как Монтесума, гордо промолчат,
Но туч раздвинут черную сурьму,
Плеснут на землю солнечных зайчат.
Так может хватит нам себя жалеть.
Ценить бы тень и свет любого дня.
А душу можно лишь душой согреть.
Достаточно ведь подойти, обнять.

Осенний сад

Осенний сад печален, тих, угрюм.
Безмолвию, как истиной наполнен.
Во сне он полон невеселых дум,
О тех краях, где рукоплещут волны.

Там разгулялась теплая весна,
Уже в апреле зеленеют клёны.
И речка, говорливая со сна,
Перекликается с листвою зеленой.

И птицы, улетевшие от нас,
Поют привольно, ведь они там дома.
А здесь дожди зимы приблизят час.
Не смерть ждет сад, но всё же: зима – кома.

Придут метели, как заведено.
В метели очень просто заблудиться.
И только в доме желтое окно
Не даст забыть тебя, и мне забыться.

Офелия

Я молилась у креста.
Я играла вальс с листа.
Но не попадаю в такт.
Фальшь повсюду – это факт.
Пальцы стали непослушны.
И ты смотришь равнодушно.
Ноты в ключья растерзала.
Сердце как тисками сжало.
Думы, мысли – вороны
Растащили в стороны.
Рвут на рваные куски.
Тут по-волчьи б выть с тоски.
На него смотрю я прямо.
Он же гонит прочь, упрямый.
То, любя, ласкает взглядом,
То словесным жалит ядом.
В монастырь велит идти,
Что б мне с ним не по пути.
То подарки без причин.
Вот пойми этих мужчин.
И не усидеть на месте:
Чудятся дурные вести.
Птичий крик беду пророчит.

Отца нет, а дело к ночи.
Чует сердце, неспроста
Черный всадник у моста.
Черный всадник, черный взгляд,
И растёт надгробий ряд.
А в народе ходят слухи,
Будто мусорные мухи,
Что любимый мой – убийца.
Бьется сердце, словно птица.
Бьется бедное в груди.
Господи, да отведи.
Толи верить, толи нет.
Я хочу узнать ответ.
Я б утешилась и ложью.
Ложь для сердца сеть острожья
Но ответом мне молчанье.
Слышу плач свой иль рычанье.
Выход мне теперь один.
Так помилуй, Господи!
Под обрывом, под рекой,
Я найду себе покой.

Падают листья

Замечтались листья, замечтались.
Вместе с ветром в танце понеслись.
Но, упали, и лежать остались.
Коротка свободная их жизнь.

А им бы парус, что белей крыла,
Им бы легкость и свободный бег,
Но с неба наземь дворника метла
Их опустит. Крылья не для всех.

И ворчит, ворчит угрюмый дворник,
– Осень что? Сплошная грязь и хмарь.
Под ворчанье засыпает дворик
Крыльями оттенка киноварь.

Замечтались листья, замечтались.
Журавли с собой лететь зовут.
Ну куда вы, глупые, собрались.
Оставайтесь. Вас нигде не ждут.

Падение ангела

Был свет,
Был стон.
Рождён.
Боль тут,
Боль там.
Врата.
На миг
Завис,
И вниз.
Земля
И дождь,
И дрожь.
– Отец,
Зачем?
В плече
Лишь шов.
Без слов.
Познать
Их боль,
Любовь,
Грехи.
Быть здесь.
Я есмь —

Человек.

Письмо в бутылке

Довелось мне в волнах бутылку
С запечатанной тайной поймать.
Будто время эту посылку
Мне прислало само сквозь шторма.

Я мечтал о неизвестном кладе.
А о чем же мечтать бедняку?
Вот тогда бы я жизнь наладил,
И поклоны б не бил медяку.

Званным гостем в любые двери.
Правду-матку лепил бы в глаза.
И тогда бы красотка Мэри
Не посмела бы мне отказать.

Я открою письмо, не глядя.
Слава Богу, бумага цела.
Но увы, увы не о кладе
На листе расплескались слова:

«-Я не знаю, встретимся снова,
Мы с тобой, ангел мой Солидат.
Ты же знаешь – море сурово.

Нас постигла большая беда.

Наш корабль разбился о скалы.
Здесь уныло. Лишь море да твердь.
Время... Время – вышло. Как мало
Довелось на тебя мне смотреть.

Ты получишь письмо, не знаю.
Но хочу, чтобы знала одно:
Даже там, в преддверии Рая,
Ты в моем сердце, будешь со мной.

Сквозь века, расстоянья, мили,
Сквозь разлуку ты – счастье мое,
Мне достаточно знать: Мы – были.
Хоть немного, но были вдвоем.

Ты глядела сурово, гордо.
Нежных рук целовать не дала.
Для чего тебе нищий Сордо.
Но ресниц твоих черных крыла,

Бархат губ, приоткрытый веер,
Мне кричали: Прочти и пойми.
И я молча стоял за дверью,
И был жарко натоплен камин.

Ты пришла словно ночь, как пламя.
Платье на пол упало, как флаг,
Мы друг другу, рыча и раня,
Всё отдавали за флангом фланг.

Я уплыл тогда на рассвете.
Твое тело в проеме окна —
Светлый образ. О как же светел.
Мою душу пронзает до дна.

– Полюби. Не грусти. Не надо.
Не ходи меня ждать на причал.
Я прощаю. Моя награда,
Что однажды тебя повстречал.»

Потерян, растерян, раздавлен,
Я брожу у прибоя один.
Принесла мне большая вода
Клад? Не клад. А что? Поглядим.

Поздняя осень

Три сосны, словно три красных девицы
Встали в ряд у поля безбрежного.
Ждут, когда же то поле оденется
Плотном ковра белоснежного.
И шумят они в ожидании.
В то, что снега не будет, не верится.
Точно с неба им дали задание
Пряжу нежную спрясть из метелицы.
Но пока что достанет слякоти.
Снег как вата сырая скручена.
И зеленые ветки в той мякоти
Не исполнят то, что поручено.
И стоят три сосны промокшие,
Словно три бесприютных скиталицы.
С тоской тянут кудели Мокоши,
Чтоб не выпало рано состариться.

Последний день весны

Ты помнишь нашу первую весну?
Душистые сиреневые ветки?
Ты в первый раз губами губ коснулся
Под крышей старой каменной беседки.

Вокруг шумел, гремел потоп, не дождь.
Была беседка нам ковчегом Ноя.
Скрывала твоя куртка мою дрожь.
Казалось, что всего нас в мире двое.

Мир молодой был зелен, мил и юн,
Адам и Ева. Наша здесь укромность.
Последний день весны. Потом уже июнь.
Июнь не то. Июню ближе томность.

А майский дождь – сплошная чистота.
И грех не грех. Всё славится земное.
Смеюсь. Жемчужины летят с куста.
Сирень встряхнулась в ожидании зноя.

Прагматизм

Осенний поздний вечер. Гаснут фонари,
И ночь накрыла город синим одеялом.
Хватаешь за руки: – Давай поговорим!
Но я молчу. Всё осень за меня сказала.
Отплакала дождём и золотой листвой,
И откричала птичьей говорливой стаей.
Так осенью любовь уходит на покой,
В преддверии зимы ложится в гроб хрустальный.
Средь гор над ней бушуют снежные ветра,
От выюг скрипят, звенят серебряные цепи.
Лед губ ей не согреет солнечное Ра,
Мороз оковы сердца крепит, крепит, крепит.
Мне нужен только принц. Таков был уговор.
Обычных много. И они уже привычны.
Но как найти его. Коль нет и до сих пор.
А потому так грустно всё на личном.
А ты увы не принц. Прости. Прости. Прости.
И летом это я быть может и стерпела.
Но будут выюги снег мести, мести, мести.
Без шубы норковой как не замерзнуть телу?

Но ты смеешься звонко:– Принца подавай?
Возьму тогда костюм. Ну коли принца будет.

Куплю себе коня. Ты вещи собирай.
А не найду коня, приеду на верблюде.

Призрак

Как страшно, наверно, вот так,
Взять, исчезнуть по всем фронтам.
Смотреть на бег обычных дней,
Но оставаясь в стороне.
И те, кто были мной любимы,
Пройдут, не оглянувшись, мимо.
Сотрется, как запись с пластинки,
Мой образ, мои фотоснимки.
Хотя стоять я буду рядом,
Меня вы не коснетесь взглядом.
Враги, знакомые, друзья,
Вы позабудете меня.
Стихи и голос, звонкий смех.
Я – белый шум среди помех,
Я – тень за вашими плечами.
Меня вы слышите ночами.
Я – плач ветров, что за стенами,
На все лады ревёт, стенает.
На вас не злюсь. За что же, право?
Я слышу, о чем шепчут травы,
О чем, смеясь, поет весна.
Пусть я прозрачна и бледна,
Мне дорога моя Не-жизнь.

Уснул, мой враг? Тогда держись.

Прогулки по ночному городу

Вдыхаю запах тополей,
Что небо подметают в лужах.
А ароматы слоббы кружат,
И кофе хочется сильней.
Налей!
Мне в кружку свой ядреный грог.
Трамвайный звон заместо специй.
Размеренно шагают берцы,
Предела нет у моих ног.
Продрог
Дворовый пес дурных кровей.
Подняв разорванное ухо,
Ворчит по-старушачьи глухо.
Прошу. Его ты обогрей.
Завей
В венок мерцание окон,
Шаги в переплетьи улиц,
Оград ряды железных сулиц,
Хранящих парков дивный сон.
А тон
Всё тише полуночных трасс.
Поет далекое контральто.
Луна выделяет сальто,

Ты, город, прорастаешь в нас.

Подчас

Мы уезжаем навсегда,

Грешим с другими городами,

Но, истину поняв с годами,

Вновь возвращаемся сюда.

Ведь ты нас не отпустишь. Да?

Пророчество Ванги о России

Я вижу призрачность реалий,
И точно в полусне бреду,
Где от людей сокрыты дали.

И у видений в поводе,
Расплавившись в фотонах света,
Дней тёмных зрею череду.

И ждет Русь огневое лето,
Как туча, налетит фашист,
И захлебнется злом планета.

Тот выстоит, кто духом чист,
Кто не сбежит и не прогнется,
И спину не отдаст под хлыст.

А Русь сильна, Русь не сдаётся,
Над миром полетит орлом,
А флаг крылами расплеснется,

Для многих предоставив дом.
Как ярк свет ее любви,
Чтоб сжечь Гоморру и Содом.

Европе ж выпало: в крови
Стоять холодной и пустой.
А ты, Рось, праведно живи!

И стань великою страной!

Птица

Мне бы птицею стать, чтоб крылья держали.
Частью стаи растаять в свинцовой дали.
Я забыла бы дом и людскую природу,
Променив их на ветра шальную свободу.
Свет, откуда-то свыше, яркостью режет.
Смотрю человеком все реже и реже.
И ни мысли, и ни чувства уже не сберечь...
Надрываясь, кричала. Позабыла про речь.
Может спросят: «Цена ль тебе не высока?»
А мне бы небо выпить, да за два глотка,
За чертою времен черной тенью разлиться,
Ни лица, ни имен у пророчицы-птицы.
Кричу о Любви, поднимаясь все выше,
Но внизу эту песнь, увы, не услышат.
Слишком заняты все дележом и добычей,
Да и дела им нет до тоски моей птичьей.
Одиночество – путь, свобода – награда.
И никого не жаль. Ничего не надо.

Разговор с портретом

Без тебя так пусто в доме,
Безобразно чисто в душе.
Кот от горя в ванной помер,
Ведь никто не чешет уши.
Твой носок спит под диваном,
А в компьютере – игрушка.
Тюбик пасты сохнет в ванной,
И в пакете рваном – сушки.
Я веду с тобой беседы,
Иногда ты отвечаешь,
На двоих варю обеды,
Наливаю тебе чая.
Ждут любимые ириски,
И пакет открытый сока,
Жду, откроем вместе виски
На концерте фолк и рока.
Будет вечер, включим телек,
Я залезу на колени.
В выходной починишь велик,
Мы поедем к тете Лене.
Все молчишь, под рамкой фото.
Напиши хоть по ватсапу.
В дверь звонят. Не ты. А кто-то.

Сын сказал сегодня: – Папа.

Русалка

Вот уже и осень.
Стылая вода.
Ясень листья сбросил.
Слышится: – Беда...
В крике журавлином,
Что слетел с ветвей.
Улетали клином
Прочь с родных полей.
Всё свирепей тучи.
Всё сильнее дождь.
Гляну из-под кручи:
Может ты придешь.
Там, за темным лесом,
Был мой милый дом.
Сенник под навесом.
В сене мы, вдвоем.
Жар твоих объятий
Плавил до костей.
Ждали мои братья
В дом твоих гостей.
Будет все по чести:
Свадьба да семья.
Но к другой невесте

Ты пошел в мужья.
Дали за ней злато,
Дали серебро.
А на мне заплатки —
Вот и всё добро.
Тройки зазвенели.
В божьем храме люд.
Вам кровать застелют.
Камешек кладут*
Чтобы многочадны
Многие лета.
Всей родне отрада,
Мне же маета.
Тяжело поверить:
Вместе нам не быть.
У моей постели
Плачет красна сныть.
У моей постели
Ива да рогоз.
Листья полетели
Капельками слез.
Я теперь русалка
Средь своих подруг.
Временная прялка
Замыкает круг.
Спать пора ложиться:

Зимняя пора.
Не зовут сестрицы
К танцам у костра.
Там под водной гладью
Бытька – Водяной.
Косы им пригладит
Щеткой ледяной.
До весны укроет
Их перина – ил.
Ветер волком воет.
Воздух больно стыл.
Только мне не спится.
Терпеливо жду.
Тенькнула синица.
Вижу я – идут.
Милые воркуют,
Точно голубки.
О любви токуют.
Встали у реки.
Ну же! Ближе... Ближе...
Ну еще чут-чуть...
Наклонись пониже
В водяную муть.
Голос мой русалий
Манит, точно мед.
Вот народ позвали.

Вот толпа идет.

Мужики молчали.

Бабы – сразу в вой:

– Прибыло печали.

Жалко. Молодой.

Бедная вдовица

Ты теперь одна.

Ныне водяница

Милому жена.

С любимыми не расставайтесь

Я кружилась в платице белом.
Кавалер был уверен, силен,
В танце белом вёл нас умело,
Сердце пело: Люблю! Это он.

Перекрестья московских улиц
Были созданы только для нас.
Были... А однажды проснулись
Левитан нам сказал: – Всё. Война.

А в садах созревали вишни,
И осыпался пух с тополей.
Только замуж три дня как вышла,
И разлука. Нет участи злей.

День за днем так долго тянулись.
Как же медленно письма к нам шли.
Много кто, с войны не вернулся.
Еще больше в гробах привезли.

Ты сказал: уйдешь на полгода,
А мне казалось прошли века.
Увезла мужчину подвода,

А вот вернула мне старика.

С любимыми не расставайтесь.

Минута каждая ценна.

И, уходя, на век прощайтесь.

Назавтра может быть война.

Серая шейка

Ах, как же быстро отзвенело лето.
Ах, где же ты, желанное тепло?
И я б взлетела с ветки бересклета,
Но не дает проклятое крыло.

И скоро, очень скоро вьюга злая
Засыплет снегом эту полынью.
На что надеюсь, и сама не знаю.
Из смерти – снега снова восстаю.

Еще жива, назло ветрам и стуже.
Воды открытой меньше полоса.
И каждый день к несчастной моей луже
Спешит прийти голодная лиса.

Не по себе от лающего смеха:
– Не торопись, борись. Я подожду.
А воронью бесстыжему потеха.
Они пророчат карканьем беду.

И вот мы кружимся в смертельном танце.
Зимой, без сил. Два немощных врага.
Никто не хочет с жизнью расставаться.

И стягивает стужа берега.

Вот прыгнула лиса, собравшись с силой.

А что потом? Додумайте ответ.

Был тонкий лед непрочным, но красивым.

От крика сбросил листья бересклет.

Сероглазый Локи

Ты мне красиво говорил,
Мой сероглазый Локи.
Прекрасные цветы дарил,
Давал любви уроки.

О да, любовь разжечь ты смог.
Но после Ragnaroka
Помни, ты поверженный бог
Коварства, лжи, порока.

Пилюли горькие измен.
Их не заешь и медом.
Фрегат любви дал жесткий крен.
Да что!... Ушел под воду.

В глаза лукавые смотрю.
А врешь ты, будто дышишь,
Я так боюсь сказать: – Люблю!
Ведь гордость, гордость выше.

И будет встреча через год:
– Грустила? – Не грустила.
О! Извини zeit not, zeit no

Я всё давно простила.

Скрипач

Твои тонкие нервные пальцы
Крепко держат изящный смычок.
Дай же музыки мне, скиталице!
Плясовую дай под каблучок.
Полетят легконогие ноты,
Словно птицы к проводам души.
Эх пляши душа! Да с поворотом!
Развернись, дурная, на аршин.
А потом ударишь, как стилетом
Резким переходом в ля минор,
Я – нага. Моя душа раздета.
До чего ты пряткий ухагор.
Мне по нраву визги твоей скрипки.
Зря глядит тот разодетый франт.
Я сегодня пью вино улыбки
Лишь твоей, заезжий музыкант.

Случай в больнице

Мертвым не заглядывают в лица.
Люди здесь, они почти мертвы.
Он бежит скорей исчезнуть, скрыться.
Доктор не поднимет головы.

Стон и крики. Вновь кому-то плохо.
Старики, отжившие свое.
Их глаза – цветы чертополоха,
Так и колят. Кожу рвут живьем.

Всем помочь? Так сердца всем не хватит.
Долг и клятва – это для юнцов.
Тем, кто платит – место на кровати,
Остальным – суровое лицо.

Остальным – скрипучие кровати,
В желтых пятнах тоненький матрас.
– Чё те бабка, царские палаты?
Кормят, поят, лечат ещё вас!

И она униженно согнется,
Руки – лапки мелко дрожат.
Но светло, светло вдруг улыбнется,

Тянет, угоститься, полкоржа.

И он тоже вопреки запрету,
Вдруг взглянется в старое лицо.
А глаза фиалкового цвету,
Те цветы он собирал мальцом.

И как мама улыбалась мило,
Ей к глазам был маленький букет.
Почему же сердце к ней остыло?
Почему не приезжал к ней много лет?

– Ты смотри, смотри! Бездомную старушку
Обнимает и целует главный врач.
Поправляет одеяло и подушку:
– Мама, мамочка. Возьму домой, не плачь.

Снегири

Сегодня в парке оживленно.
И все бегут смотреть скорей:
На снежной скатерти белёной
Сверкает стайка снегирей.

И в черно-белом мире стужи
Нужны горячие сердца.
Как снегири, нам кто-то нужен,
Чтобы смахнул печаль с лица.

Заставил думать о хорошем,
О ярких снах и теплом лете.
И, как подарки для прохожих,
Порхают по ветвям малютки эти.

Снежная королева

Как холодны и злы её слова.
Убьют любовь и всё вокруг живое.
Она тебе: – Ничтожество! Права,
Раз ты в ответ киваешь головою.

Ей обожание твоё не дар.
Объятия не вовремя, не к месту.
Так отравил тебя весны угар,
Что взял такую снежную невесту.

И, как приказ, любой её каприз,
А счастье с нею призрачно и зыбко.
Она сама, не воплощенный приз,
И ты, увы, не золотая рыбка.

Не счесть ее предательств и измен.
Но даришь вновь распутнице прощенье.
Не ты, найдет кого-нибудь взамен.
И как дурман ее прикосновенье.

У трона королевы ныне плен
Твоей любви, поверженного Кая.
Но ты себе не хочешь перемен,

И рад, что твоя женщина такая.

Сонная лощина

Как растревожена калитка
Свирепым ветром одиноком.
И мраморной рекою плитка,
И месяц золотым венцом.
У дома листья закружились,
Шуршат о чем-то о своем.
На плиты нехотя ложились,
И убаюкивали дом.
Повисла мгла над сонным лесом,
И снится бедному кошмар,
Придавлен им, как будто прессом
Седых смертей, холодных Мар.
Исчезла радость без причины.
Душа с огромною дырой.
Мы заперты с тобой в лощине,
Где страж с отрубленной главой
Нас ловит в поле кукурузном.
И поздно что-либо менять.
И падают початки грузно
Под ноги дьявола коня
И нам припомнят все бывшее:
Большие, мелкие грешки.
Где было трое, станет двое.

Один остался без башки.
Забудьте сразу о пощаде
Красны глаза. В них гнев и злость.
Придет бездушное исчадье,
И беглецов изловит врозь.
И каждому своя расплата.
Святых ведь нет, как ни крути.
Но не моя сегодня плата.
Я отхожу с его пути.

Старость

Все те же дороги стали длинней,
А все те же годы – короче.
Потеряться в чреде похожих дней
Старику. Что может быть проще?

И уже не вспомнить старых друзей,
Не узнать родимые лица.
Полмира не видно, как ни глазей,
И все больше разница в линзах.

Всё чаще памятные вечера.
Но не встречи, увы, прощаний.
Помнить юность, будто была вчера.
Как много было обещаний.

Уважать счастливый миг без боли,
Без сожалений, крошки смеха.
А слова в кроссвордах, как пароли.
Но и это тоже потеха.

Прощать родным отсутствие звонков,
И времени на разговоры.
Но ждать во тьме, отчаянно, шагов,

Что разрывают коридоры.

Ах, молодость! Вернись! Хотя б на миг,

Ведь жизненный опыт – не старость.

Чтоб думалось о том, чего достиг,

А не о том, сколько осталось.

Старый дом

Старый дом незряч и брошен.
Тишиной осенней скован.
Искалеченный осколок прошлого,
Ветром северным атакован.
В стылых комнатах мебель старится,
И ставень скрипит перекошенный.
Свет сквозь окна, те, что остались,
Золотит мозаичное крошево.
Здесь шаги, словно грохот выстрела,
И слова звучат преступлением.
Вот оно, в безвременье застывшее,
Вязко-терпкое это мгновение —
Полусон, полусмерть, полудрема.
В ворохе листвы опавшей
Темнота из дверного проема
Кошкой ластится загулявшей.
Черно-белые клавиши скалятся
Изо рта фортепьяно раскрытого.
Люди-тени по стенам метаются.
Люди-тени в безумье закрытые.
В коридорах гуляет эхо.
Дом грустит, о чем-то вздыхает.
Отголоски счастливого смеха

В тишине кое-где оживают.
И никто не в силах спасти
Дом от старости и разрушения.
Я могу лишь на холст нанести
Вязко-терпкое это мгновение.

Страница

Мой аромат грейпфрут и горький перец.
Мой цвет сиреневый с отливом в черный.
Хочу уехать не в Париж, но в Veretz
Меня полюбит только обречённый.

Мне по душе стиль рок, свобода, «Мята».
Люблю играть в оправданные риски.
Любовь на простыне безбожно смятой
Так мило спит. Я тихо, по-английски,

Уйду с рассветом, прихватив сандали,
Хотела каблуки, но героизма мало.
Меня зовут дорог бесчисленные дали.
И на дороге многих я встречала.

Я не устала от простых историй.
Сама пишу, рассказываю сказки.
Их шепчет ветер и диктует море.
Одни легки, другие сладко вязки.

Как много лиц красивых и обычных.
Как много драм: судьба бывает строгой.
Мне интересно: есть за ликом личность?

И если нет, десятая дорога,

Чтоб обойти такого человека,

Чтоб не сорил словами чистый разум,

Как песенка заезженного трэка,

Который сам собой уже наказан.

Пока живу я так. Когда ж устану,

На перекрестке лягу с первым встречным.

В его руках свирелью дивной стану.

Играй свирель, чтоб людям было легче.

Страшила

Меня баба криво сшила.
Руки бы взять, оборвать.
Я вышел такой страшила.
Но воздержусь. Всё же мать.

Сердце мое – деревяшка,
Грубыми нитками рот.
А из одежды рубашка,
Соломой набит живот.

Глаза – голубые плоски,
В шляпе живет вороньё.
Мы вместе боимся кошки.
Такое мое житьё.

Я здесь сторожу посеvy.
Но сторож я не ахти.
Гляжу как младые девы
Сено идут растрясти.

Вот лето прошло неслышно.
Убран с полей урожай.
Меня забудут. Так вышло.

Останусь в снегу лежать.

И глядя в лицо метели,
Засну беспробудным сном.
Приснится красotka Элли,
Мы с ней по дороге идём.

СЫН ИСТОПНИКА

В топку, в топку, в топку, в топку.

В печь летит до полусотни книг.

– Что мне книги? Что в них толку?

Я прекрасно обхожусь без них.

И живу. Других не хуже.

В книгах только дым для дураков.

Дураков, сынок, не слушай.

Будут спорить, дай им тумачков.

Я тебя дубасил палкой.

Не со зла же, воспитанья для.

И тебя мне было жалко.

Зато вырос парень, а не тля.

А писаки – вот лентяи,

Водить ручкой, чай не рельсу гнуть,

Только покажи слюнтая,

Не сдержусь, ей-ей, в коленку пну.

А романы и поэмы

Бадам так и вовсе не нужны.

Дети, кухня – вот их темы,

Бабы свое место знать должны.

Я смотрел, испуганный ребенок,
Как отец жёг книги без конца.
И глядела Богородица с иконок,
Строгим своим ликом на отца.

А когда остался хвост от ночи,
Я затеплил тонкую свечу,
Истопник хороший, человек – не очень.
Мой отец. Но я так не хочу.

И мелькали книжные страницы,
Будто мне маяк светил, моргал.
Дни тянулись скучной вереницей,
Но от них я в книги убежал.

Вот и вырос. Вспоминая детство,
Мне и вспомнить нечего порой,
Бил, гулял, да книги жёг отец то.
Да частенько уходил в запой.

Ностальгия

Там, яблоки, как град, стучат по крыше.
В саду гортензия и резеда,
На ужин мёд, орехи и маасдам,
И сад рябиной, будто гладью вышит.

Тот самый миг, где рядом МОИ люди.
Фырчит мотор в соседском гараже.
И мама чайник налила уже.
В духовке ж остывает сладкий штрудель.

И солнце, утомленное работой,
Спустилось ниже в синие холмы.
Как дорого мне это наше «МЫ»,
Когда за чаем обсуждаем что-то.

Когда кота по очереди гладим,
И полыхает дровяной костёр.
Но Время – Бог ладони распростёр.
И он ко всем суров и беспощаден.

– Ведь никому не суждено остаться.
И за мгновенья эти не держись.
До хрипа спорю: – Это и есть жизнь!

Держаться! Всеми силами держаться!

Хочу дождя

Бывает: ждешь грозу.
Исходит ранним зноем
Весь майский день,
И хочется дождя.
Дождь – хорошо,
Но ливень лучше. Смывает
Он пыль с травы.
И, новое родя,
Придет размытый день,
Заплачут серым окна,
Зазеленеет новая листва.
Хочу дождя. Хочу,
Чтоб все промокло,
Но небо говорит мне:
– Черта с два!
И вот синее горизонт.
Ура! Уж гром грохочет.
Смотрю с надеждой в небеса.
Но дождь никак, никак
Пойти не хочет.
И стороной, смеясь,
Прошла моя гроза.
И в майском небе две тучи.

Прогремели, растаяв,
Растеряв на два счета,
Весь свой яростный пыл.
Будто Бог Громовержец
Забрался на кручу,
Хотел рассердиться,
Да просто забыл...

Хочу назад

У каждого такие есть места,
Где мы когда -то счастливы бывали:
Любимая беседка у моста,
А для кого-то солнечное Бали.

А может старый деревенский дом,
Колодец с перевернутым ведром.
Там ходит месяц над уснувшим садом.
Я так хочу туда. Назад. Мне надо.

Там небо разольется синевою
Над плоским скатом деревянной крыши.
В лицо мне майский ветер нежно дышит.
Ну здравствуй. Я приехала домой.

Дождись меня, мой старый дом дождись.
Но у домов свой век. И своя жизнь.

Цыганка

– Ай, цыганка! Танцуй! Танцуй!
В пестрых юбках вихрем кружись.
А я дерзкая. Что поцелуй?
Украду и чужую жизнь.

И тебе не ходить к другой.
Честно – честно гляжу в глаза.
– Ай, хороший! Ай, мой, дарагой!
Что тебе я хочу сказать:

Вижу дом. Вижу: дева ждет.
А на сердце у ней брюнет,
В окно смотрит: не он ли идет.
Ночь погасит последний свет.

Вот знакомый раздастся стук.
Она бросит на стол кольцо.
И сплетаются змеи их рук,
И все ближе к лицу лицо.

А что дальше? Будет скандал.
Был брюнет иль нет. Все равно.
Ишь как резво домой побежал.

Мелодрама выйдет кино.

Ай, не надо мне про мораль.
Мир такой. Не добр и не зол.
И никого мне уже не жаль.
Либо волк ты, а либо вол.

Разлучила и развела.
А парниша хорош. Будет мой.
Я – цыганка. Свои дела
Мне устраивать надо самой.

Чайное

1

Заходи на чай.

Чайки раскричались

На брусчатке.

И акация в цвету.

Напиши мне:

Я приду.

Заходи на чай.

Просто

Невозможно светят

Звезды.

Море бьётся

Сердцу в такт.

Пустота.

Под спиной

Песок белый.

Буду я сегодня

Смелой.

Буду я сегодня

Нежной

Мне нужна

Наших чувств

Свежесть.

Это все весна
Расстаралась.
Это все луна
Разыгралась.
В общем,
Что слова расточать.
Просто
Приходи на чай

2
Послушай, тише. Не руби с плеча.
Я заварю нам земляничный чай,
И лето там, на дне огромной кружки.
Достань конфеты, пряники и сушки.
Вдохни и выдохни. Пусть день был нехорош.
Всё поправимо лишь тогда, когда живешь.

Чёрное и белое

Росла: оторви и брось,
А ты – почти херувим.
Мы выросли, стали врозь.
Но ты как прежде любим.

Прежде в уста целовал,
И ласково звал «Малыш».
Каким же ты важным стал.
С кафедры смело глядишь.

А свечи рыжим горят,
В храме сегодня канун.
Как твой сверкает наряд.
Светлее тысячи лун.

Над головой черной нимб
И очи полны огня,
Сегодня ты не для них,
Сегодня ты для меня.

Молю. От меня беги.
Я ближе еще на шаг.
Бывшие – это враги.

Но ты мой любимый враг.

Я досчитаю до ста,
Чтобы не дрогнул курок.
А ты похож на Христа.
Ты также светел и строг

И мысли твои чисты.
И вера твоя крепка.
Славя, рисует кресты
Ухоженная рука.

И упадет твоя длань
Прямо на мой «твердый» лоб,
Из беса в кроткую лань
Да я превратилась чтоб.

Ты – моя тайная страсть.
Любовь – «святая вода»
Тебе до меня не пасть,
Мне не летать никогда.

А свечи рыжим горят,
И в мыслях безумных спор.
Я встану у алтаря.
Стрелять, так лучше в упор.

Знаешь, у каждого срок.
И пальцы дрожат слегка.
Но я не взвела курок,
Плечью упала рука.

Я досчитала до ста,
Закат догорел в окне,
Любимый с ликом Христа,
В канун молись обо мне.

Шаманка

Под ногой танцует камень,
Гвозди, битое стекло.
Воздух разрубив руками,
Небу щурится незло.
Её бубен гулок, звонок,
А лицо, как круглый блин.
Шикнет мне: – Молчи, ребенок!
Все вы дети до седин.
Все вы дети, капризули.
То вам холод, то жара,
То не с той горы подули
Разудалые ветра.
Раздеваете планету,
Словно бабу, донага.
За невинность – грош, конфету.
А невинность дорога.
Вот на вас она и злится,
Шлет цунами, ураган.
А я ей душа – сестрица,
А я ей дары к ногам:
Кровь ли, шкуры золотые,
Мясо или свежий хлеб.
Воду лью из Алатыря,

На алтарь, ей на потреб.
Чтобы гнев, сменив на милость,
Не гнала своих детей.
Жили-были. Чтоб сложилась
Песня ваших долгих дней.
А сама уйду с рассветом.
Мне здесь нечего теперь.
В зиму дверь открою летом,
Раскроив мирскую твердь.

Шедевр

Шедевр лежал на чердаке.
Его хозяин гениальный
Издых, испившись, в уголке
Замшелой одинокой спальни.

Шедевр лежал на чердаке.
Он грезил об огромных залах,
Чтоб публика рука к руке,
Глазами жадными терзала

Его прекрасный колорит,
И четкость форм, и яркость цвета.
Шептала, как огонь горит
Нетривиального сюжета.

А после б многие века
Он поражал умы великих.
Не замечал он чердака,
И солнца яростные блики.

И злость мышей, и холод выюг,
Дождей серебряные нити,
И вдруг истлел, и выцвел вдруг.

И не сказал никто: – Взгляните!

Как хороша та лилия в воде!

Какая гениальность в колорите!

Чтобы шедевром стал шедевр,

Любой картине нужен зритель.

Школьная любовь

Ну что за мерзкая привычка
Девчонок дергать за косички.
Ах, эти мальчишки порой,
Скрывают чувства за игрой.
Но как тут сложно угадать,
Кому из них портфель отдать?
Вот кто писал дурные строчки:
– Тебя Я Лю... А после – точки.
Хоть намекнул бы, паразит.
Молчит и в сторону глядит.
Сама мол, дура, догадайся.
– Гад! Ты писал? А ну сознайся.
Как дам по темечку линейкой,
Он спрятал тушку за скамейкой.
Ну что ж, мой милый, привыкай.
Работа мужа нелегка.

Шрамик

– На фотографии ретушь?
– Ну нет уж, мой милый, нет уж.
Мне лгать о себе непривычно.
А выгляжу я отлично
Твоими молитвами, милый.
А то, что было, забыла.
Оставь свои страстные речи.
Влюбиться б в тебя, да нечем.
Я сердце свое наружу.
Лакали кровавую лужу
Все бестиарии ада.
Бесстрастность теперь мне награда.
Не веришь. А зря, мой милый.
А больно конечно было.
Так может быть мне раздеться?
Есть шрамик на уровне сердца.
Вот. Видишь? Вышло без крика.
И вовсе я не двулика.
Любовь называю блажью.
И нежно свой шрамик глажу.
И не болит, а всё же
Тревожит что-то тревожит.
Без сердца жить неприятно.

Да только пути нет обратно.

Ты мой любимый враг

Я выбросила белый флаг!
Тебе. Ты – мой заклятый враг!
В моем полку приспущен стяг!
И аверс пред тобою наг!
Поговори со мною так:
– Я больше не хочу войны.
До смерти битвы надоели.
Хочу проводить с тобой дни,
Счастливые дни и недели.
Держаться за руки в кино,
Говорить обо всем при свече,
Пить ночью белое вино,
И засыпать на твоём плече.
И целоваться под дождем,
Шуршать коврами листопада.
Мне надо быть с тобой вдвоем.
Для счастья так немного надо.
Отдам тебе все ордена,
Пусть прочь уходит войско, свита.
Моя душа тебе видна...
Как жаль, что у тебя «Закрыто»
Я выбросила белый флаг!
А что же сделал ты, мой враг?

На мой такой открытый шаг
Отвечил серией атак.
За что же ты со мною так?

Я у тебя твое имя ukrала

А я имя твое ukrала,
Леденцом оно на языке.
И прочней любого металла,
Ярче крови на белом песке.
Есть в нем крик испуганной птицы,
Или песни веселой куплет,
Или резкий всполох зарницы,
Или в танце лихой пируэт.
Мне в нем чудится грохот битвы,
Крики воинов, посвист мечей.
Я как мантру и как молитву,
Нараспев его, в дыме ночей.
Вышивала всё нитью алой
На рубашке и на рукавах,
Твое имя в узор вплетала,
Тайным словом крепила на швах.
Оно бьется как пульс под кожей,
На губах – горько-сладкая соль.
Без ума люблю, до дорожи.
Твое имя мне спрятать позволь.
Я в душе хранить его стану,
В самом тайном уголке на дне,
Чтоб из битв и чужедальних стран,

Ты, мой воин, вернулся ко мне.